

A $\frac{301}{224}$

301

A

227

РИМСКІЕ ПАПЫ,

ИХЪ

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

Н. В. Савельева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1842.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

1874

HERNAND H. LOPEZ

1874

H. L. GARDNER

UNIVERSITY OF CHICAGO

HERNAND H. LOPEZ

1874

2007081599

РИМСКІЕ ПАПЫ, ИХЪ ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО,

въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ.

Исторія Западной церкви всегда обращала на себя вниманіе, и, не смотря на то, до сихъ поръ еще ни кѣмъ не написана вполне и безпристрастно. Это впрочемъ и естественно, потому что ею занимались исключительно западные Европейцы, Католики и Протестанты: перомъ однихъ руководили сильное пристрастіе и обожаніе Папскаго престола; перомъ другихъ руководила столько же слѣпая ненависть къ Папамъ. Для ревностныхъ Католиковъ престолъ Римскаго Первосвященника всегда казался святынею, и никогда не хотѣли они разсмотрѣть *политическую сторону* владычества Папскаго. Писатели Протестантскіе вдалились въ противоположную крайность: смотрѣли на Ватиканъ только съ одной мрачной стороны; указывали на него, какъ на вертепъ суевѣрія, обмановъ, пороковъ и жесточайшаго тиранства. Оттого-то именно, предъ глазами обомъ, и Католика и Протестанта,—равно предубѣжденныхъ, и потому равно несправедливыхъ,—всѣ рѣзкія черты, вся физіогномія Римскихъ первосвященниковъ почти совсѣмъ сглаживались; настоящая характеристика ихъ затемнялась, исчезала. Въ сочиненіяхъ историковъ мы видѣли *образы безъ лицъ*, а не живыхъ людей, не этихъ старцевъ, безсильныхъ и вмѣстѣ могучихъ, на голосъ которыхъ преклонялась Европа за-альпская, со страхомъ и трепетомъ. Показали-ль намъ, какъ эти дряхлые первосвященники Рима, попеременно то игрушка дикой черни и мелкихъ тирановъ Италіевскихъ, то величавые покровители юныхъ республикъ Италіи, бросили перчатку наследникамъ Цезарей, вступили въ борьбу съ ними, тяжкую, долгую, которая подвергала ихъ всѣмъ превратностямъ счастья, и изъ которой вышли побѣдителями. Смотрите: Папу изгоняютъ изъ его царственнаго города, и нѣтъ ему убѣжища, гдѣ бы могъ безопасно преклонить голову; но здѣсь побѣждено только лице, побѣжденъ тотъ или другой изъ

Папъ, а идея, которая постоянно руководила ихъ политикою, не истреблена: она передается отъ одного другому — и Папство еще не побѣждено; бѣглое, блуждающее, оно все-таки править судьбами царствъ и народовъ. Непрерывные расколы обуреваютъ Римскую церковь, внутреннія распри терзаютъ ее въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій; но это не истребляетъ энергіи Папъ, а кажется только усиливаетъ ее, и Папство цвѣтетъ и кипитъ новою жизнію, честолюбивое и гордое, больше чѣмъ прежде. Реформація, приготовленная событіями среднихъ вѣковъ, отторгаетъ отъ власти Римскаго первосвященника народы сѣвера. Могучеству Рима нанесенъ ударъ сильный, жестокий; но, еще столько жизни сохранило оно, что даже самъ Наполеонъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ нему, хотя, конечно, только для виду. Какъ хитро, искусно измѣнялъ Римъ свою политику, послѣ реформаціи: много ошибокъ сдѣлали владыки Рима, но изъ честолюбія, а не изъ слабости; не отказываясь отъ притязаній своихъ, они смягчаютъ ихъ формы; не отрекаясь отъ прошедшаго, они ласкаютъ будущее. Вглядитесь, какъ молчаливо и благоразумно отступивъ въ предѣлы своихъ церковныхъ обязанностей, Римскій Дворъ сосредоточилъ всю свою энергію, и вдругъ опять было распространилъ свое вліяніе, еще въ большей сферѣ, нежели прежде, неутомимой дѣятельностью религіозныхъ орденовъ и системою воспитанія юношества, вѣренною наслѣдникамъ Игнатія Лойолы.

Нашему времени предоставлено было сдѣлать *первые опыты* на этомъ новомъ поприщѣ Исторіи. Труды Французскихъ и Нѣмецкихъ писателей разъяснили наконецъ *общія черты* Папскаго владычества, и приготовили нѣсколько отдѣльныхъ жизнеописаній Римскихъ первосвященниковъ. Всѣмъ этимъ воспользуется *будущій историкъ* Западной церкви, неомраченный религіозными предразсудками Католиковъ и Протестантовъ, основательно изучившій исторію *нашей* церкви. Можно сказать рѣшительно: пока западные писатели не будутъ изучать исторіи восточной Европы, до тѣхъ поръ никогда имъ не удастся начертать *полной* картины возвышенія, могущества и постепеннаго низпаденія Римскихъ первосвященниковъ. Отношеніе Западной церкви къ Восточной, виды Папъ на Россію, тѣсно связаны съ такими множествомъ частныхъ вопросовъ, что безъ глубокаго изученія всѣхъ

событій восточной Европы, нельзя *вѣрно* судить и о событiяхъ Западной церкви. Споры Протестантовъ съ Католиками также долго еще не будутъ рѣшены окончательно ими самими. Въ этомъ отношенiи чрезвычайно важно было бы появленiе историка не принадлежащаго ни къ той, ни къ другой церкви; иначе, онъ всегда—можетъ быть, противъ воли—примѣшаетъ къ своимъ идеямъ религiозныя предубѣжденiя. Честь написать *полную, вѣрную и безпристрастную* исторiю Западной церкви принадлежитъ, по всей вѣроятности, ученымъ Богословамъ Восточной церкви, которые одни могутъ безъ всякаго предубѣжденiя разсматривать со *всѣхъ* сторонъ событiя Римско-Католическаго мiра. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что богословы-Католики, для доказательства своего православiя, ссылаются на сходство и одинаковость догматовъ Римской церкви съ нашею; богословы-Протестанты, для доказательства справедливости нѣкоторыхъ своихъ положенiй и отступленiя Католиковъ отъ чистоты первоначальнаго ученiя Христiанскаго, также ссылаются на нашу церковь. И эти взаимныя свидѣтельства Католиковъ и Протестантовъ на догматы Восточной церкви, не суть ли безмолвное признанiе, что *судь историческiй* по праву принадлежитъ ей одной?...

Знаменитый Профессоръ Берлинскаго Университета, товарищъ ученаго Раулера, Леопольдъ Ранке, недавно напечаталъ второе изданiе своей превосходной монографiи „Die römische Päpste, ihre Kirche und ihre Staat im sechszenten und siebzehnten Jahrhundert, von Leopold Ranke“, „Римскiе Папы, ихъ церковь и Государство въ XVI и XVII столѣтiяхъ.“ Этотъ важный перiодъ Западнаго Христiанства до сихъ поръ ни кѣмъ не былъ обработанъ; трудъ Г. Ранке есть *первый* опытъ исторiи этого времени, опытъ блистательный, обнаруживающiй въ авторѣ начитанность безконечную, трудолюбiе изумительное и—во многихъ мѣстахъ—краснорѣчiе, изящное, смѣлое. Жаль одного, что автору не довольно глубоко извѣстна исторiя нашего отечества: тогда на многiе предметы онъ взглянулъ бы совѣтъ съ другой точки, и тѣмъ сообщилъ бы своему творенiю характеръ всеобщности, всесторонности.

„Всѣ знаютъ власть Рима въ древнiя и среднiя времена“, пишетъ Г. Ранке: „въ новѣйшiя, онъ также еще разъ отжилъ великую эпоху всемирнаго владычества. Послѣ того, какъ мно-

жество народов отпало отъ власти Рима, въ первой половинѣ XVI столѣтія, онъ успѣлъ еще разъ возвыситься и стать средоточіемъ вѣры и мышленія народовъ южной Европы, романскаго племени, и дѣлалъ смѣлые, нерѣдко счастливые опыты возвратить себѣ потерянное владычество. Этотъ періодъ возстановленной церковно-свѣтской власти, ея обновленіе, внутреннее образованіе, успѣхи и паденіе—я намѣренъ представить, по крайней мѣрѣ въ общихъ очеркахъ. Какъ впрочемъ ни неудачно исполнялъ я это предпріятіе, но я не приступилъ бы къ нему, еслибъ не имѣлъ случая пользоваться нѣкоторыми до сей поры неизвѣстными источниками“, говоритъ скромный авторъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Ранке совѣстливо исполнилъ свое дѣло: онъ перечиталъ все, что только было доступно, перерылъ всѣ архивы, въ которыхъ могъ получить хотя какое нибудь свѣдѣніе. Въ сочиненіи *Г. Ранке* исчислены всѣ источники, которыми онъ пользовался, и вездѣ показано ихъ происхожденіе.

Въ Германіи всѣхъ богаче, въ этомъ отношеніи, Берлинъ и Вѣна, особенно послѣдняя. Австрійскій Домъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ со всеми дворами Европы, и потому въ Вѣнѣ хранятся богатѣйшіе матеріалы не одной Нѣмецкой или Италіанской исторіи, но и всеобщей. Императорско-Королевская придворная бібліотека заключаетъ въ себѣ величайшее множество драгоценнѣйшихъ рукописей, туземныхъ и иностранныхъ. Такъ въ Моденѣ у Рангонскаго Дома приобрѣтены любопытные манускрипты; изъ Венеціи куплены безцѣнные рукописи Дожа Марко Фоскарини: въ томъ числѣ записки самого владѣтеля; Италіанскія хроники, которыхъ дальнѣйшаго слѣда нигдѣ не находится; богатѣйшее собраніе историко-политическихъ рукописей, составленное съ общимъ обзоромъ самимъ Принцемъ Евгениемъ, присоединено сюда же. Здѣсь прежде находилъ и Венеціанскій архивъ; многіе документы возвратились въ Венецію, впрочемъ все еще довольно Венеціанскихъ бумагъ можно найти въ Вѣнѣ: депеши въ оригиналѣ, извлеченія изъ нихъ для употребленія въ дѣлахъ государственныхъ, такъ называемые рубликаріи, реляціи не рѣдко въ единственномъ экземплярѣ, и притомъ высокаго достоинства, списки чиновниковъ, хроники и дневники, извѣстія о Григоріи XIII и Сикстѣ V и проч. Г.

Ранке съ благодарностью упоминаетъ, что Вѣнскимъ архивомъ ему дозволено было пользоваться съ неограниченною свободою.

Послѣ Берлина и Вѣны *Г. Ранке* обратилъ особенное вниманіе на Венецію и Римъ. Въ Венеціи, родовыя бібліотеки и кабинеты рукописей, относящихся къ дѣламъ республика, составлялись и хранились какъ родовыя памятники, показывая участіе знаменитыхъ фамилій въ судьбѣ Венеціи. Множество такихъ частныхъ собраній погубило въ 1797 году; сохраненіемъ остальнаго ученый міръ обязанъ бібліотекарямъ *С.-Марко*: они сдѣлали все что могли, употребили все зависѣвшія отъ нихъ мѣры для спасенія, и дѣйствительно спасли даже гораздо больше, нежели сколько бы ожидать было можно. Въ этой бібліотекѣ много важныхъ рукописей, необходимыхъ для внутренней исторіи города, государства и сношеній съ Европою. Впрочемъ, это пріобрѣтеніе довольно новое; оно умножилось случайно, изъ частныхъ собраній, безъ общаго твердаго плана, и никакъ не можетъ выдержать соперничества съ государственнымъ архивомъ. Для *Г. Ранке* очень важны были донесенія Посланниковъ изъ Рима. Въ разныхъ мѣстахъ ему удалось собрать 48 реляцій объ Римѣ: девятнадцать XVI вѣка, двадцать одну XVII и восемь XVIII. Это самое драгоценное собраніе любопытнѣйшихъ свѣдѣній, оставленныхъ современниками и самовидцами. — Сокровища Ватикана до сихъ поръ еще ни для кого не доступны; *Ранке* также не могъ ими пользоваться. Однакожь ему были открыты другія собранія; тамъ почерпнулъ онъ довольно свѣдѣній, неполныхъ, но достоверныхъ и для его цѣли достаточныхъ. Въ XVII столѣтіи, аристократическія фамиліи, имѣя въ своихъ рукахъ управленіе, удерживали у себя часть государственныхъ бумагъ. Такъ было вездѣ, особенно же въ Римѣ. Непоты, — родственники Папъ, оставляли своимъ княжескимъ домамъ очень много важнѣйшихъ дѣлъ, собранныхъ во время управленія. Все это дѣлалось собственностью основанныхъ Непотами домовъ, и передавались какъ родовое наслѣдство. Нѣсколько залъ назначалось во дворцахъ для книгъ и рукописей. Вотъ почему здѣшнія частныя собранія, по важности, въ нѣкоторомъ отношеніи равняются государственнымъ. Какъ остатокъ государственнаго имущества переходилъ въ собственность Папскаго рода, также точно и государственный архивъ переходилъ въ дома частныхъ

фамилій. Ватиканскія галереи, столько извѣстныя по выбору изящныхъ произведеній, уступятъ галереямъ Боргезской и Дорійской; рукописи дворцевъ Барберини, Корсини, Альбани и другихъ, заключаютъ въ себѣ истинныя сокровища для исторіи Папъ, Римской церкви и государства ихъ. Недавно учрежденный государственный архивъ болѣе важенъ для среднихъ вѣковъ; для позднѣйшихъ временъ онъ не представитъ много актовъ, неизвѣстныхъ и занимательныхъ, и въ этомъ отношеніи не можетъ выдержать никакого сравненія съ богатствомъ частныхъ собраній. Каждое изъ нихъ обнимаетъ ту эпоху, къ которой относится правленіе Непота — основателя фамиліи; но такъ какъ Непоты занимали мѣста нѣсколько времени и послѣ кончины Папы, своего родственника, то каждое такое частное собраніе, не ограничиваясь одною извѣстною эпохою, заключаетъ въ себѣ еще и объясненіе временъ предшествовавшихъ и позднѣйшихъ. Богатые дома, основанные Непотами, имѣли очень много способовъ пополнять свои кабинеты рукописей, особенно въ Римѣ, гдѣ даже образовалась торговля рукописями.

Этими частными собраніями Г. Ранке пользовался, иногда съ неограниченною свободою. Тамъ-то почерпнулъ онъ много чрезвычайно важныхъ матеріаловъ: переписки и донесенія нунціевъ, жизнеописанія нѣкоторыхъ кардиналовъ, официальные и частные дневники, бумаги судебныя, отчеты объ управленіи провинціями, объ ихъ торговлѣ и промышленности, статистическія таблицы, счета приходовъ и расходовъ, болшею частію вовсе неизвѣстные. Они составлялись людьми знающими, хотя и требуютъ критической обработки. Древнѣйшій источникъ, которымъ воспользовался Г. Ранке, есть заговоръ *Поркари* противъ Николая V; для XV вѣка нашелъ онъ еще нѣсколько; съ начала XVI вѣка, они дѣлаются съ каждымъ шагомъ все многочисленнѣе, обширнѣе, важнѣе. О состояніи Рима въ XVII вѣкѣ мы имѣли, до сихъ поръ, очень мало достовѣрныхъ свѣдѣній; тѣмъ достойнѣе вниманія собранные ученымъ и трудолюбивымъ Г. Ранке. Число и внутреннее достоинство документовъ, относящихся къ XVIII вѣку, не слишкомъ велики; но, къ утѣшенію, должно вспомнить, что въ это время и государство и дворъ Римскаго владыки утратили прежнее величіе, лишились прежняго вліянія на дѣла Европы.

Г. Ранке справедливо говорятъ, что въ наше время Исторія Папъ имѣетъ одно только историческое значеніе. Власть Папская,—говоритъ онъ,—не была такъ неперемѣняема, какъ обыкновенно думаютъ. Виѣсть съ измѣненіями во Всемирной Исторіи, съ преобладаніемъ того или другаго государства, съ движеніемъ общественной жизни, и Папская власть, ея системы, направленія, права, подвергались такимъ же измѣненіямъ; ихъ вліяніе испытывало величайшія превратности. Все это мастерски изложилъ Г. Ранке въ своемъ превосходномъ твореніи.

Для того, чтобы читатель могъ съ большею удобностію слѣдовать за нашимъ повѣствованіемъ, предлагаемъ слѣдующую таблицу, въ которой обозначены все Папы, владѣвшіе Римскимъ престоломъ въ продолженіи XVI, XVII и XVIII столѣтій, т. е. до превращенія Папскихъ владѣній въ Римскую республику, въ 1799 году, и возстановленія Папскаго достоинства въ лицѣ Пія VII, Кіарамонти, избраннаго 15 Февраля 1800 года. — Числа вездѣ означены по новому стилю.

Въ XVI-мъ столѣтіи:

Александръ VI, Борджіа, съ 1491 г.	по 18 Августа	1505 г.
Пій III, Годесчини	18 Октября	1503
Юлій II, Ла-Роверь	21 Февраля	1515
Левъ X, Медичи	1 Декабря	1521
Адріанъ IV, Флорентъ-Утрехтъ	14 Сентября	1523
Климентъ VII, Медичи	26 Ноября	1534
Павель III, Фарнезе	10 Ноября	1549
Юлій III, Дель-Монте	22 Марта	1555
Марцель II, Червизіо	1 Юня	1555
Павель IV, Караффа	17 Августа	1559
Пій IV, Медичи	9 Декабря	1565
Пій V, Чеслери	1 Мая	1572
Григорій XIII, Буонокмпано	10 Апрѣля	1585
Сикеть V, Перетти	28 Августа	1590
Урбанъ VIII, Кастаньо	28 Сентября	1590
Григорій XIV, Сфондрито	13 Октября	1591
Иннокентій IX, Фачинети	29 Декабря	1591

Въ XVII-мъ столѣтіи:

Климентъ VIII, Алобрандини	3 Марта	1605
Левъ XI, Медичи	27 Апрѣля	1605

Павель V, Боргезе	27 Января	1621
Григорій XV, Людовизио	8 Юля	1625
Урбанъ VIII, Барберини	29 Юля	1644
Иннокентій X, Памфили	5 Января	1655
Александръ VII, Чинги	21 Мая	1667
Климентъ IX, Распиози	9 Декабря	1669
Климентъ X, Альтиери	21 Юля	1676
Иннокентій XI, Одескальки	12 Августа	1689
Александръ VIII, Оттобани	1 Февраля	1691
Иннокентій XII, Пишателли	27 Ноября	1700

Въ XVIII-мъ столѣтїи:

Климентъ XI, Альбани	18 Марта	1724
Веніаминъ XIII, Урсини	20 Февраля	1730
Климентъ XII, Корсини	5 Февраля	1740
Веніаминъ XIV, Ламбертини	2 Мая	1758
Климентъ XIII, Реццинико	2 Февраля	1769
Климентъ XIV, Ганганелли	22 Сентября	1774
Пій VI, Брагги	низложенъ 15 Февраля	1798 го-

да, скончался плѣнникомъ въ Валенсъ, что въ Департаментѣ Дромскомъ, 29 Августа 1799 года.

Ознакомившись съ именами владыкъ Римской церкви, приступимъ къ самому изображенію событій, приготовившихъ реформацію.

Здѣсь необходимо сдѣлать небольшое отступленіе, и предварительно рѣшить вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ реформація принадлежитъ одному Тевтонскому племени, какъ обыкновенно привыкли думать? или же, она была приготовлена другими, отдаленными событіями, въ которыхъ участвовали и не Нѣмецкія племена? Этотъ вопросъ разрѣшается всѣми историками реформаціи очень неудовлетворительно, и причиною того ихъ незнаніе исторіи восточной Европы. Предлагаемъ наше мнѣніе, основанное на самомъ ходѣ событій. *)

Со времени изобрѣтенія книгопечатанія, начало образоваться въ Европѣ общественное мнѣніе, невидимая, но могуществен-

*) Обращаю вниманіе читателей на статью мою „Очерки Всеобщей Исторіи“, помѣщенную въ „Маякѣ современнаго просвѣщенія“, N IX, 1840 года.

ная сила, которой вовсе не было въ древнемъ мірѣ и которая покорила себѣ въ новомъ даже самую политику, сдѣлалась въ нѣкоторыхъ государствахъ охранителемъ безопасности частныхъ лицъ, руководительницею дѣйствій правительствъ. До тѣхъ поръ, пока не существовало книгопечатанія, не могло существовать и общественнаго мнѣнія; чѣмъ же оно замѣнялось для христіанскаго міра среднихъ вѣковъ? На западѣ, властію Папъ, на востокѣ вліяніемъ духовенства. Присвоивъ себѣ владычество надъ умами и совѣстію западныхъ христіанъ, Папы со временъ Григорія VII сдѣлались не по титулу, но въ самой сущности, владыками западнаго христіанства; они вовсе не имѣли силъ матеріальныхъ, но зато въ ихъ рукахъ было страшное орудіе, отлученіе отъ церкви, которымъ они такъ искусно и отважно пользовались. Возмущался ли вассалъ, опасный для государя, который не могъ бы самъ смирить его — Римскій дворъ насылалъ, черезъ своихъ легатовъ, грозную буллу; настоятель ближайшаго монастыря провозглашалъ отлученіе отъ церкви, и свирѣпый феодалъ чувствовалъ необходимость смириться передъ властію духовнаго владыки, покорялся и удовлетворялъ справедливымъ требованіямъ невинно притѣсненнаго. Угнѣталъ ли Государь своихъ подданныхъ — они прибѣгали къ Риму, и грознымъ поруномъ раздражался гнѣвъ владыки: Папа гремѣлъ отлученіемъ на непокорнаго сына, разрѣшалъ подданныхъ отъ присяги, и въ бѣдномъ рубищѣ, являлся нѣкогда могущій владыка и падая смиренно къ стопамъ непобѣдимаго Папы, униженно испрашивалъ прощенія и разрѣшенія. Но духовенство по родственнымъ связямъ съ феодалами, часто дѣйствовало за одно съ ними: Папы вознамѣрились прервать всѣ связи духовнаго общества съ свѣтскимъ; они объявили, что посвятившій себя Богу, долженъ отречься отъ всего мірскаго, забыть все что можетъ связывать съ міромъ — друзей, родственниковъ, жену, дѣтей, и помышлять единственно о спасеніи души и вѣчной жизни. Безбрачное состояніе и безпрекословное повиновеніе главъ христіанства т. е. Папъ, поставлены двумя важнѣйшими условіями для принятія въ церковь. Такимъ образомъ духовенство, поставленное въ зависимость отъ Папы, было отдалено отъ феодаловъ; выгоды его тѣсно связались съ выгодами Папъ; отъ усиленія могущества Римскихъ владыкъ зависѣло и

возвышеніе духовенства въ глазахъ народа, и значительность въ отношеніи къ Государямъ. Не понимая по-латыни и не имѣя Библии въ переводѣ, народы западной Европы, должны были почерпнуть все правила нравственности, все догматы ученія Христа изъ наставленій духовенства и монашества. Въ ихъ рукахъ по этому находилась совѣсть всехъ; а дѣйствуя на совѣсть, они овладѣли нравственнымъ убѣжденіемъ всего свѣтскаго общества, слѣдовательно самимъ обществомъ, потому что на внутреннемъ убѣжденіи основанъ не только умственный, но и политическій бытъ народовъ. Монашескіе ордена дѣйствовали одни на совѣсть и умъ вельможъ, а другіе на простолудиновъ, съ которыми находились въ сношеніяхъ, — и бѣлое духовенство, привязанное всеми выгодами къ Папѣ, сдѣлалось его воинствомъ, посредствомъ котораго онъ распространилъ свою власть и на Государей и на феодаловъ и на весь народъ. Римскій дворъ постановилъ правиломъ: „Какъ въ златой Императорской державѣ земной шаръ находится подъ крестомъ, какъ мѣсяцъ подъ солнцемъ; такъ и государство непременно должно быть подъ властью церкви и главы ея, намѣстника Св. Петра.“ По этому все государства суть ленныя владѣнія т. е. жалованныя владѣнія Папы, и ни какой Князь, Король, Императоръ не можетъ быть избранъ безъ Папскаго согласія. Римская іерархія достигла своей вершины. Однакожъ Императоры и Короли были противнаго мнѣнія: они соглашались, чтобъ Папа былъ духовнымъ владыкой, но не свѣтскимъ; признавали его намѣстникомъ Иисуса, главою христіанской церкви; но утверждали, что царство Христово нѣсть отъ міра сего *). Съ тѣхъ поръ борьба между властью духовною и свѣтскою сдѣлалась неизбежною: Императоръ и Папа стали въ бой. Совѣстію всего западнаго христіанства Папы могли располагать по произволу; но имъ не доставало силъ матеріальныхъ. Для побѣды надъ Государями и феодалами, Папѣ нужно было и въ свѣтскомъ обществѣ приобрести ревностныхъ приверженцевъ: онъ сталъ покровительствовать освобожденію горожанъ изъ подъ власти феодальной и борьбѣ ихъ съ феодалами и самими государями. Для удержанія политическаго перевѣса надъ народомъ, Папѣ необходимо было

*) Беттигеръ.

сосредоточить всю нравственную силу въ духовенствѣ, и слѣдовательно все просвѣщеніе сдѣлать исключительною принадлежностью духовенства; при монастыряхъ явились университеты, въ которыхъ преимущественно стали изучать права Римское и Каноническое. Университеты должны были сдѣлаться новою подпорою Папской власти. Оно такъ вначалѣ и было. Во время феодальныхъ неурядицъ, университеты были на сторонѣ Папъ и Монархической власти, разливая повсюду въ свѣтскомъ обществѣ здравыя понятія о сущности государствъ, о необходимости единовластія. Юношество цѣлыми тысячами стекалось въ университеты изучать Римское Право; съ умноженіемъ университетовъ умножалось число людей въ свѣтскомъ обществѣ, привыкшихъ къ правильному, логическому сужденію, свѣдущихъ въ діалектическихъ некуствахъ — начало создаваться общественное мнѣніе, которое должно было разрушить несокрушимое догматическое владычество Папъ: въ тѣхъ странахъ, гдѣ были заведены университеты, явились и грозные противники Папской власти. Изучивъ Римское Право, слѣдовательно воспитанные въ правилахъ монархизма, юристы преклоняли убѣжденіе народа въ пользу Монархической власти; когда же власть эта усилилась, то юристы, сами принадлежа къ свѣтскому обществу и видя стремленіе Папъ къ совершенному деспотизму, первые напомнили о подчиненіи владыкъ духовныхъ въ древнемъ Римѣ властителю свѣтскому, Императору. Создавъ же общественное мнѣніе, университеты приготовили всѣ средства низвергнуть владычество Папъ надъ западною Европою. Событія въ восточной Европѣ, по видимому, совершенно отдѣльныя, присоединились къ нимъ и произвели общее возстаніе западной Европы.

Не въ такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ находился Патріархъ Византійскій: общедоступность, общенародность Св. Писанія спасла Восточно-Европейскія земли отъ деспотизма духовнаго. При томъ, въ своемъ государствѣ, Греческій Патріархъ издревле былъ въ зависимости отъ Императора; распространить свое могущество на Славянскія земли, которыя приняли и удержали Греческое исповѣданіе, ему не удалось. Россія, Болгарія, Сербія свято соблюдали православное исповѣданіе вѣры, общее съ Греками; но строго смотрѣли на всѣ покушенія Греческаго духовенства, и не допускали его вмѣшиваться въ дѣла полити-

ческія. 862 годъ, въ которомъ Рюрикъ сѣлъ на *столъ* Новгородскій,—этотъ годъ ознаменовался важнѣйшимъ событіемъ для всѣхъ Славянъ: переводомъ Библіи на Болгарскій языкъ двумя знаменитыми мужами, Кирилломъ и Меѳодіемъ.—Начало *политической самобытности Россіи* совпало съ началомъ *духовной самобытности Славянскихъ племенъ*. Правила нравственности, какъ и догматы вѣры, Славяне могли почерпнуть прямо изъ *Св. Писанія* — толкованія превратныя, несогласныя съ Библіею, не могли имѣть мѣста у нихъ, по общедоступности ея. Россія признавала Патріарха духовнымъ владыкою въ дѣлахъ вѣры; однакожъ не позволяла ему сильно мѣшаться не только въ дѣла политическія, но даже во внутреннія церковныя свои распоряженія, не касавшіяся догматовъ: часто и Митрополитовъ избирала сама, соборомъ Епископовъ, не относясь къ Патріарху. Болгарія, подобно Россіи имѣла также свою церковь и даже создала своего Патріарха. Когда же въ началѣ XI вѣка Болгаре пали подъ иго Византійскихъ Императоровъ, то Болгарское Патріаршество немедленно было уничтожено, а Болгарскія епископіи всѣ подчинены Патріарху Греческому. Двѣсти лѣтъ продолжалось рабство: Болгарія испила всю чашу горести отъ Греческихъ Епископовъ и свѣтскихъ начальниковъ; налоги, притѣсненія, бывшія причиною частыхъ возмущеній, годъ отъ году умножались. Сосудъ былъ полонъ, еще одна капля и чаша горестей переполнившись излилась сама собою. Греческій Патріархъ задумалъ ввести въ Богослуженіе Греческій языкъ. Желаніе уничтожить Славянскій языкъ вооружило самыхъ покорныхъ дотолѣ; Болгарскій священникъ *Богумилъ* провозгласилъ Патріарха антихристомъ и началъ проповѣдывать новое ученіе, въ родѣ пресвитеріанскаго. Греческое правительство и Патріархъ воздвигли сильное гоненіе на еретиковъ; но возстаніе духовное было началомъ возстанія политическаго: Болгарія освободилась отъ ига, въ XIII столѣтіи; Болгарское Патріаршество было восстановлено. Однакожъ, новое правительство Болгарское не дозволило распространяться ученію Богумилстовъ, и послѣдніе изъ нихъ принуждены были удалиться за границу. Тысячи семействъ Болгарскихъ разсѣялись, отъ преслѣдованій Грековъ и азиращеній своего восстановленнаго правительства: Венгрія, Словенія, Швейцарія, Сѣверная Италія, Южная Франція на-

полнились изгнанниками. Поселясь въ земляхъ Католическихъ, Болгарскіе Богумилсты по духу своего ученія должны были сдѣлаться врагами и Папѣ, какъ *единыхъ* духовныхъ владыкъ. Такъ и было. Въ Лионѣ явился тогда какой-то Болгаринъ Владъ (Waldus) и тысячами обращалъ народъ къ богумилизму; жители Лиона (Waldenses) и Альби (Albigenses) сдѣлались особенно жаркими поборниками новаго ученія, противнаго ученію папистовъ: Папы увидѣли тотчасъ, какое сильное впечатлѣніе производитъ все это на народъ, и призвали всю Францію въ крестовый походъ противъ еретиковъ. Страшное истребленіе всѣхъ послѣдователей богумилизма было слѣдствіемъ настоянія Папы; ужасъ наведенный этимъ ожесточеннымъ преслѣдованіемъ и проклятіемъ отъ Папы, былъ такъ великъ, что самое имя Болгаръ съ тѣхъ поръ сдѣлалось ругательнымъ словомъ въ устахъ Французскаго народа. Но тамошніе богумилсты оставили по себѣ не одну память, какъ еретики; нѣтъ! до нихъ на Западѣ еще не знали употребленія шелку; Болгаре, какъ жители Востока, принесли съ собою шелковое производство и Франціи—говорить Венелинъ—, въ награду за ея преслѣдованія доставили первѣйшую нынѣ вѣтъ ея промышленности.“ Въ другихъ земляхъ реформа шла медленно, тише, но за то успѣшнѣе: Словаки передали богумилизмъ Моравамъ и Чехамъ, и у нихъ явились Янъ Гусъ-Гусинецкій и Иеронимъ Пражскій; Моравы и Чехи передали богумилизмъ Сорабамъ, обитателямъ Саксоніи, Лузаціи, Бранденбурга, и въ этихъ земляхъ явился Лютеръ; *) въ Швейцаріи богумилизмъ произвелъ Кальвина; перенесенный, во время войнъ Французовъ съ Англичанами, въ Англію, богумилизмъ породилъ ученіе Виклефа. Умы были уже приготовлены; Греческіе изгнанники, бѣжавшіе въ чужія страны послѣ паденія Кон-

*) Переводомъ Св. писанія на Нѣмецкій языкъ Лютеръ оказалъ величайшее благодѣяніе всѣмъ Тевтонскимъ племенамъ, которыя совсѣмъ не понимали ни Латинской Библіи, ни Латинскихъ молитвъ. Въ какомъ жалкомъ положеніи находилась Германія до появленія Лютера, можно судить изъ его же отзыва о своихъ современникахъ: „Простолюдиивъ ничего не знаетъ о Христіанскомъ ученіи, особенно въ деревняхъ; люди не умѣютъ даже прочесть ни „Вѣрую“, ни „Отче нашъ“, не знаютъ „десяти заповѣдей“, живутъ какъ скоты и какъ свиньи безмысленныя.. Сами священники не въ состояніи другихъ учить.“

стантинополя, распространили въ Европѣ просвѣщеніе еще болѣе; университеты между тѣмъ дѣйствовали; Лютеровъ переводъ Библии на Нѣмецкій языкъ доставилъ Нѣмцамъ средство судить о справедливости притязаній Папъ, которыхъ деспотизмъ въ концѣ среднихъ вѣковъ достигъ высшей степени; реформація быстро начала развиваться въ XVI столѣтіи. Государямъ были нужны деньги, потому что недавнее сосредоточеніе власти въ рукахъ правительствъ привело ихъ финансовыя средства въ самое затруднительное положеніе: расходы правительства необходимо должны были увеличиться; непредвидѣнные издержки требовали часто очень большихъ суммъ; а постоянные прежніе доходы были очень незначительны. Государи видѣли, что принявъ новое ученіе могутъ безъ зазрѣнія совѣсти отобрать у Католическихъ монастырей всѣ ихъ земли и всѣ богатства. И вотъ Государи покровительствуютъ и сами принимаютъ ученіе Лютера, а между тѣмъ — отбираютъ въ казну богатѣйшія владѣнія, принадлежащія Католическому духовенству. Всѣ почти сѣверныя Германскія владѣнія отпадаютъ отъ Рима; даже духовныя братства, рыцарскіе ордена покорившіе нѣкогда Папъ и Балтійское Поморье и Ливонію, и тѣ отложились отъ Рима.

Такъ, по нашему мнѣнію, долженъ представить событія будущей историкъ Реформаціи, когда узнаетъ Исторію Восточной Европы. Можно быть увѣрену, что и ученый Г. Ранке, — несмотря на то, что самъ принадлежитъ къ Протестантамъ, — вполне согласится, что въ дѣлѣ Реформаціи было много, очень много *человѣческаго*, начиная хоть съ женитьбы самого Лютера на монашенкѣ, Лютера, который сперва самъ просилъ у Папы своему ордену привиллегію на продажу индульгенцій. . . . Лютеръ могъ и не быть, а Реформація, все-таки была неизбѣжна; чтобы судить о Реформаціи, безпристрастно и справедливо, надо быть не-Католикомъ, врагомъ Лютера, и не-Протестантомъ — приверженцемъ Лютера. . . Вглядитесь въ событія среднихъ вѣковъ и вы убѣдитесь, что паденіе могущества Папъ было приготовлено *множествомъ* самыхъ отдаленныхъ причинъ. . .

Власть Папская выдерживала борьбу непрерывную. Самодержавіе религіозное, опираясь на Вѣру, по тому самому было сильнѣе всѣхъ властей, что почти съ самаго начала оно встрѣтило враговъ и препятствія; явилось великое множество ересей, порожд-

денныхъ сомнѣнiемъ, этимъ возстанiемъ ума человѣческаго. Въ продолженiе цѣлыхъ вѣковъ, умъ противился идеѣ той власти, на которой основали свой деспотизмъ Григорiй VII, Иннокентiй III. Во Францiи, въ Англiи, въ Германiи, даже въ Испанiи и Португаллiи, возстаютъ противъ жадности, злоупотребленiй, притязанiй Римскаго двора, противъ его несправедливыхъ догматовъ, противъ его денежныхъ поборовъ; возстаютъ не послѣдовательно и упорно, а вспышками, не систематически, а по инстинкту. Всякой разъ, когда Монархи усиливаются противиться требованiямъ Ватикана, феодалы и юристы, воины и граждане—все съ ними за-одно. Папская власть пустила глубоко корни; она отстаетъ себя съ умнѣемъ, ловко, превосходно; поле сраженiя остается за ней.

Много владѣнiй покорствовало Папской тиарѣ въ исходѣ XV столѣтiя; оброки Государствъ-данниковъ сыпались на тиару, и она разбогатѣла отъ накопленiя церковныхъ доходовъ. Положенiе Италiи представляло честолюбію Римскаго Двора соблазнъ увлекающій; вся страна находилась въ рукахъ или торговыхъ ресцубликъ, или туземныхъ владѣтелей, которые по-не-многу покорили себѣ маленькія области или обратили ихъ въ вассальства. Подчинить себѣ гордыхъ и буйныхъ Бароновъ Романьи, расширить Папскія владѣнiя, превративъ ихъ въ сильное Государство,—такое предпріятiе было соблазнительно; блескъ его ослѣпилъ первосвященниковъ и скрылъ отъ нихъ неминуемыя пагубныя слѣдствiя. Желанiе утвердить наследственную власть только въ одной своей фамиліи,—желанiе всегда тайное, всегда скрываемое и никогда не отлагаемое, сдѣлалось одною изъ главныхъ причинъ ослабленiя Ватикана. Новый первосвященникъ, при самомъ восшествiи на престоль, находилъ, что все лучшія владѣнiя Церкви проданы его предшественникомъ; любимецъ одного правительства дѣлался заклятымъ врагомъ слѣдующаго. Каждый Папа приводилъ съ собою свою челядь, которую вытѣсняла челядь другаго Папы, его преемника. При такой безпрестанной измѣняемости можно-ль было твердо надѣяться на будущее, можно-ль было сохранять постоянно одинаковое направленiе, принять одну систему въ политикѣ? Эта шаткость, непрочность, гибельно дѣйствовала на каждаго новаго Папу, представляя на каждомъ шагѣ безпрерывныя затрудненiя. Забудясь въ этомъ

лабиринтъ политики своекорыстной, ограниченной, недалеко-видной, могли-ль Папы совершить подвигъ, завѣщенный Гильдебрантомъ, великій, но тяжкій?

Прекрасно было владычество, какое Иннокентій и Григорій оспѣвались основывать надъ мыслию: Держава дивная, тираниство жестокое, но не отвратительное, потому что заслугами оно вознаграждало за отнятую независимость: оно тяготѣло надъ людьми, но для того, чтобы просвѣтить ихъ, а не унижить. Много можно было простить тому, кто приносилъ міру подобныя дары. „Почитайте меня, покоряйтесь мнѣ, повинуйтесь“—говорило оно — „за то я подарю васъ порядкомъ, наукою, союзомъ, гражданскимъ устройствомъ, успѣхомъ, и даже миромъ и спокойствіемъ, сколько возможно въ такую эпоху.“ И ничего мелкаго, ничего варварскаго нельзя указать въ этомъ самовластномъ владычествѣ: оно распространяло предѣлы Христіанскаго міра, противоборствовало натискамъ исламизма; властью разумной и нравственной уравнивало оно кровавую, дикую власть тогдашнихъ желѣзныхъ скипетровъ и стальныхъ копій; одною рукою боролось Папство съ исламизмомъ, другою душило остатки энергическаго идолопоклонства на Сѣверѣ; около себя, подобно центру, оно собирало всѣ нравственныя и духовныя силы человечества. Папство было деспотомъ, но не забудьте, что всеобщее варварство и дикость стремились все разстроить, а Папы все вновь возсоздавали. „Папство оскорбляло вѣнцы Царей, права народовъ“ говорите вы; „оно клало свою дерзкую ногу на чело владыкъ; ни что не могло существовать безъ дозволенія Рима!“—Да, безспорно; но это гордое владычество было благомъ безмѣрнымъ: сила умственная приневолила преклониться передъ собою силу животную; а изъ всѣхъ торжествъ духа надъ матеріею, это, можетъ быть, самое высокое. Перенеситесь мыслию въ то безправное время, когда одинъ пользовался всѣми правами, а прочіе не имѣли никакихъ, были людьми безправными; когда законъ—безмолвный, распростертый подъ мечемъ—пресмыкался въ кровавомъ прахѣ. Не дивное-ли было зрѣлище? Нѣмецкій Императоръ, во всей полнотѣ могущества, въ ту самую минуту какъ двинулъ свое войско истребить въ зародышѣ Италіянскія республики, — вдругъ остановился и не могъ ступить шага далѣе; вожди, покрытые оружіемъ, окруженные своими полками — Фи-

лишь Августъ Французскій, Іоаннъ Англійскій—останавливаютъ мщеніе, и вдругъ чувствуютъ себя безсильными, пораженными какъ бы громомъ. И отъ чьего голоса? скажите. — Отъ голоса бѣднаго старика, который живетъ въ какомъ-то далекомъ городѣ съ двумя баталіонами нестройныхъ воиновъ, и владѣетъ только всего на-все нѣсколькими милями спорной земли! . . Зрѣлище, возвышающее душу!

Вотъ съ какой высоты спустились Папы въ концѣ XV столѣтія, рѣшаясь обратить власть свою въ свѣтскую. До сихъ поръ, владыка Рима былъ болѣе Короля; теперь, онъ сталъ меньше простаго владѣтеля: сила, которой ничто не могло покорить, растерялась въ мелкихъ интересахъ и мѣстныхъ смутахъ. Много расточилъ тогда Ватиканъ умѣнья, ловкости, и все по-наирасну! Самые колоссальные интересы были пожертвованы интересамъ мелочнымъ и ничтожнымъ; вѣчное исчезло предъ ежедневнымъ. Пойми Ватиканъ свое призваніе, какое бы мѣсто занялъ онъ во время великой борьбы, начавшей раздѣлять Европейскія Государства! Какъ прекрасно и сильно было бы его положеніе!

Въ цвѣтущихъ равнинахъ Романьи, за которую происходило столько споровъ между владѣтелями Италіи, Сикстъ IV хотѣлъ основать Княжество для своего племянника. Право было на сторонѣ Государя-первосвященника; но у него не доставало способъ для войны, средствъ матеріальныхъ: онъ сталъ дѣйствовать властію духовною. Сикстъ не побоялся, во время борьбы, вмѣшательство духовную власть въ самыя мелкія интриги, и тѣмъ унижилъ ее. *Медици*, главные противники Сикста, владѣли во Флоренціи; онъ сносился съ ихъ врагами, возжегъ междоусобную войну, и заставилъ думать, что онъ, святѣйшій отецъ, не чуждъ былъ заговора *Пацци*, котораго последнею и ужасною сценою было убійство, совершенное на ступеняхъ алтаря. Когда Венеціане оставили его племянника, Папа не только бросилъ ихъ однихъ въ войнѣ, которую самъ же воспламенилъ, но еще сталъ громить ихъ всѣми молніями Ватикана. Съ равнымъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ Сикстъ въ Римѣ и противниковъ своего племянника: отнялъ у *Колонновъ* Марино, окружилъ солдатами домъ *Колонны*, взялъ его подъ стражу и предалъ въ руки палача.—Отрубленную голову вмѣстѣ съ тѣломъ выставили въ церкви Св. Целсы. Мать жертвы пришла взглянуть на трупъ; она припод-

няда за волосы голову сына и сказала: „Посмотрите: вотъ каково слово Папы! Онъ обѣщаль намъ жизнь сына, если отдадимъ ему Марино; Марино его, а мой сынъ мертвъ!“ Прямымъ наследникомъ пороковъ этого Папы былъ Александръ VI *Борджіа*. Первымъ дѣйствиємъ его правленія были наказанія: преступленіями онъ наказаль преступленія своихъ предшественниковъ. Вдова Сикстова племянника была выслана изъ тѣхъ владѣній, за которыя пролито столько крови, совершено столько преступленій, оюзорена власть тиары и проложенъ ея владѣтелямъ путь погибели. Въ Александрѣ *Борджіа* явился Неронъ Папства: ни роману ни драмѣ не мечталось ничего подобнаго; развратъ нигдѣ не былъ выше.

Макиавель называетъ Александра VI великимъ государственнымъ человекомъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ Папа и сынъ его, *Цезарь Борджіа*, умѣли управлять людьми посредствомъ страха. Чувства нравственности и народная ненависть для нихъ ничего не значили. Фамиліи *Сфорца*, *Малатеста* и *Манфреди* были однѣ изъ самыхъ могущественныхъ въ Италіи. Александръ одержаль верхъ надъ ними; тогда партія, которая помогла ему возвыситься, была не нужна для него—онъ бросиль ея. Но это казалось еще мало для Святѣйшаго отца и Цезаря: они перерѣзали всѣхъ прежнихъ сообщниковъ. Такимъ образомъ, говоритъ Г. Ранке, „Александръ увидѣль осуществленіе пламеннѣйшихъ своихъ желаній: Бароны, владѣльцы земель, уничтожены, и его фамилія достигаетъ великаго наследственнаго могущества въ Италіи. Но вмѣстѣ съ этимъ, онъ уже начиналь чувствовать, до какихъ крайностей могутъ довести пылкія, необузданныя страсти. Цезарь не хотѣль дѣлиться властью ни съ кѣмъ: родство не могло защитить совѣстниковъ. Старшій братъ его, Францискъ, получилъ отъ Фердинанда Короля Кастильскаго и Аррагонскаго, инвеституру на Герцогство Гандію. Цезарь рѣшился во чтѣ бы то ни стало, избавиться отъ брата, сильнаго властью и, можетъ быть, соперника въ любви, по-крайней-мѣрѣ такъ подозрѣваль Цезарь. Онъ обратился къ Испанцу *Микелотто*, который считался однимъ изъ опытнѣйшихъ брави своего времени. Францискъ между тѣмъ приготовился къ отъѣзду въ Неаполь; тамъ онъ долженъ былъ въ качествѣ легата присутствовать при коронаваніи Фридерика. Желаніе Цезаря совершилось: на канунѣ отъ-

ѣзда, Францискъ былъ убитъ, и тѣло его брошено въ Тибръ. Преступленіе, совершенное такъ открыто, поразило весь Римъ ужасомъ. Венеціанскій Посланикъ стоялъ на мосту, когда вытаскивали изъ рѣки трупъ, и пошелъ за нимъ до воротъ замка Св. Ангела; толпы народа хлынули туда же; среди этого нестройнаго шума и говора толпы —пишетъ Посланикъ— мы слышали голосъ престарѣлаго Папы, громко рыдавшаго объ утраченномъ сынѣ

Велѣно было произвести строжайшій розыскъ объ этомъ убійствѣ. Мать жертвы и убійцы остановила дѣло въ самомъ началѣ. „Если ты не прекратишь розысковъ“, грозилла она Папѣ, „то и самъ погибнешь отъ руки, которая лишила тебя сына“. Угрозы подѣйствовали на Папу; дѣло замолкло, хотя разговоры и продолжались. Одинъ изъ родственниковъ Папы, *Джіованни Борджіа*, изъявилъ сожалѣніе объ участи Франциска. Эти слова переданы были Цезарю, который тогда осаждалъ Форли. *Джіованни* спѣшилъ въ Римъ и—ничего не предугадывая—остановился, на пути, въ лагерѣ, повидаться съ родственникомъ. Цезарь принялъ его ласково и пригласилъ остаться обѣдать. *Джіованни* охотно согласился; Цезарь былъ необыкновенно веселъ, и дружески разговаривалъ съ любезнымъ гостемъ—родственникомъ. Обѣдъ кончился, и дѣйствіе отравленнаго кушанья тотчасъ обнаружилось: нестерпимое томленіе овладѣло несчастнымъ *Джіованни*. Нѣсколько дней продолжались его страданія: „видно всеѣмъ намъ одна дорога съ Герцогомъ Гандіей“, умирая сказалъ онъ.

Если такимъ образомъ поступалъ *Цезарь Борджіа* съ членами собственной фамиліи, то можно понять, на чтò не рѣшался онъ въ отношеніи къ чужимъ. Въ этомъ случаѣ *Цезарь* являлся достойнымъ сыномъ *Александра VI*. Архіепископъ Козенцскій чѣмъ-то навлекъ на себя неудовольствіе Святѣйшаго отца и *Цезаря*; явныхъ признаковъ сильнаго гнѣва однако жъ ему не показано. По обыкновенію, къ Архіепископу собрались друзья и знакомые, ужинали и на другой день узнали, что его уже нѣтъ въ живыхъ: мертвый лежалъ онъ на постелѣ; тѣло его въ нѣсколько часовъ послѣ ужина до такой степени почернѣло, что слуги не могли смотрѣть на трупъ своего господина.—Знаменитыя фамиліи *Орсини* и *Савелли* долго боролись съ Папою. *Александръ* питалъ къ нимъ закоренѣлую ненависть. Кардиналъ

Орсини, во время этой борьбы, попался въ плѣнъ, и былъ заключенъ въ замокъ Св. Ангела. Мать несчастнаго хотѣла доставить ему хоть нѣкоторыя удобства въ темницѣ; она пожертвовала всѣмъ своимъ богатствомъ. Папа объявилъ, что ея желанія будутъ исполнены и сыну ея окажутъ всякое снисхожденіе. Александръ былъ удивительно внимателенъ: Кардиналъ занемогъ — Папа назначилъ къ нему собственнаго своего медика. Мать въ тотъ же день получила извѣстіе о болѣзни сына, и внимательности Папы. Это было въ Понедѣльникъ; а въ Среду Кардиналъ сдѣлался жертвою этой внимательности Святѣйшаго отца. . . .

До времени Александра, Европейскіе Государя не хотѣли вступать ни въ какія сношенія съ Турками. Первосвятитель Христіанскаго Запада не устыдился подружиться съ врагами имени Христова. Могущественный наслѣдникъ Магомета II, Баязетъ, встрѣтилъ себя противника въ родномъ братѣ. Джемъ взволновалъ Малую Азію, но былъ разбитъ и рѣшился искать убѣжища въ Западной Европѣ. Римскій Дворъ оказалъ покровительство Дjemu, и онъ спокойно жилъ въ Италіи. Между тѣмъ въ умѣ предприимчиваго Французскаго Короля Карла VIII родилась мысль выгнать Турковъ изъ Европы; онъ рѣшился воспользоваться несчастіемъ Джема и употребить его орудіемъ для исполненія своихъ замысловъ. Съ этою цѣлю, Карлъ VIII потребовалъ отъ Александра выдачи Турецкаго Принца. Александръ отказался. Тогда Французскій Король объявилъ, что—если его желаніе не будетъ удовлетворено по доброй волѣ, то онъ силою заставитъ Папу исполнить просимое. Опасаясь видовъ Карла на Италію, Александръ вошелъ въ сношенія съ Баязетомъ, и просилъ его помощи въ случаѣ нападенія Французовъ на Римъ. Султанъ, поклонникъ Магомета, предложилъ Его Святѣйшеству 500,000 дукатовъ за смерть брата. Святой отецъ принялъ предложеніе; Карлу обѣщано, въ то же время, выдать Джема; на канунѣ отъѣзда, Папа хотѣлъ проститься съ Принцемъ, который столько лѣтъ пользовался покровительствомъ Рима; вечеромъ назначенъ великолѣпный ужинъ. Шла искренняя бесѣда; Джемъ благодарилъ за радушіе и просилъ ходатайствовать передъ новымъ покровителемъ. Разстались весело и дружески. Джемъ отправился къ Французскому Карлу; но едва прибылъ въ Неаполь, обнаружилось дѣйствіе медленнаго яда: несчастный Джемъ погибъ. *Томази*

прибавляетъ, что и Баязетъ не медля исполнилъ обѣщаніе, данное убійцамъ брата.

Цезарь повиновался отцу, но—только до тѣхъ поръ, пока это не противорѣчило его собственнымъ видамъ. Родство, какъ мы видѣли, не могло служить защитою: по приказанію Цезаря, убійцы напали на мужа сестры его, когда тотъ шелъ во дворецъ. Раненый скрылся, однакожъ, отъ нихъ у жены и сестры. Приближенные знали, что въ случаѣ неудачи одного средства, у Цезаря есть другое, вѣрнѣйшее—ядъ; желая предохранить мужа отъ гибели, жена сама готовила кушанье. Папа окружилъ домъ зятя стражею; отецъ принужденъ былъ защищать зятя отъ своего сына. Цезарь смѣялся надъ такою предосторожностію. „Чего не успѣли сдѣлать въ полдень, сдѣлаемъ къ вечеру“, говорилъ онъ. Раненый уже начиналъ оправляться, когда Цезарь неожиданно вбѣжалъ въ его комнату, выгналъ жену и сестру, призвалъ палача и велѣлъ ему удавить несчастнаго принца. Вообще отецъ служилъ Цезарю средствомъ владычествовать; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, онъ вовсе не обращалъ на него никакого вниманія: любимецъ Александровъ, *Пероти*, искалъ защиты подлѣ своего покровителя.—Это нисколько не затруднило Цезаря: кровь несчастной жертвы обрызгала лицо Папы. „Весь Римъ и всѣ Папскія владѣнія находились во власти у Цезаря“ пишетъ Г. Ранке. Цезарь былъ прекрасный мужчина, силенъ такъ, что однимъ ударомъ раздроблялъ голову быка на игрищахъ, даже не совѣтъ неспособенъ къ великодушію, но сластолюбивъ и кровожаденъ. Римъ трепеталъ его имени: Цезарь нуждался въ деньгахъ, имѣлъ враговъ, и — каждую ночь находили на улицахъ по нѣскольکو труповъ; жители запирались и прятавались въ домахъ, всякій боялся, чтобы очередь не дошла и до него; съ кѣмъ нельзя было управиться открытою силою, тѣ дѣлались жертвою отравы. Обстоятельства, духъ вѣка и личное положеніе Цезаря способствовали ему достигнуть такого совершенства въ развратѣ: у Папы много бывало дѣтей и племянниковъ, многіе покушались итти по той же дорогѣ, по которой шелъ Цезарь—никто не заходилъ такъ далеко“. Въ самомъ дѣлѣ, безстыдное презрѣніе всѣхъ законовъ религіи, нравственности и чловѣколюбія никогда не доходили до такой степени. Имя *Борджіи*, синонимъ всего ужаснаго, заклеимло вѣкъ Александра: безпрерывное повтореніе

всѣхъ родовъ преступленій уничтожило всякій стыдъ, договоръ не доставлялъ обезпеченія, клятва не внушала довѣренности. Можно-ль было питать уваженіе къ первосвященнику, котораго пороки были такъ явны, такъ гласны, совершаясь на тѣсномъ пространствѣ Италіанскихъ княжествъ? Власть *Александра*, чуждая всякаго нравственнаго основанія, потрясала власть *Папы*: напрасно думали скрѣпить ее кровью: отвратительной колоссы, утвержденный на пещѣ, долженъ былъ пасть. Венеціане, политики глубокіе, предвидѣли это; вся Италія не могла дождаться того времени, когда громы небеснаго правосудія разразятся надъ тѣмъ, который называлъ себя намѣстникомъ Христа и преемникомъ Апостола Петра. Когда происки *Александра* изгнали *Урбинскаго князя* изъ его владѣній, подданные провожали своего владѣтеля до городскихъ воротъ, и говорили ему въ утѣшеніе пророческія слова: „не вѣчно будетъ жить Папа!“

Въ самомъ дѣлѣ, это было какъ будто пророчествомъ: третій годъ XVI столѣтія освободилъ Католическое христіанство отъ первосвященника, который унижалъ собою достоинство Папы. Девять богатѣйшихъ прелатовъ Римскаго Двора посвящены были *Александромъ* въ Кардиналы. Тогда Его Святѣйшество, по совѣту *Цезаря*, задумалъ умертвить новыхъ кардиналовъ и овладѣть ихъ богатствомъ. Желая отклонить всякую тѣнь подозрѣнія, Папа оказывалъ имъ благосклонность, *Цезарь* также. Наконецъ, *Александръ* и сынъ его пригласили новыхъ кардиналовъ на ужинъ въ виноградникъ близъ Ватикана; это мѣсто принадлежало одному изъ новыхъ ставленниковъ. Когда всѣ распоряженія были кончены, *Цезарь* принесъ Папскому дворецкому, которому поручено было наблюденіе за столомъ, нѣсколько бутылокъ вина съ ядомъ кантерелле и строжайшимъ приказомъ — подавать это вино только однимъ кардиналамъ. Собрались всѣ; началось угощеніе. Вечеръ былъ знойный; жажда мучила *Александра*. Атеистъ въ душѣ, Папа вѣрилъ однакожь предсказаніямъ астрологовъ; одинъ изъ нихъ нѣкогда предсказывалъ ему: „ты не умрешь до тѣхъ поръ, пока не перестанешь носить при себѣ освященный хлѣбъ.“ Въ слѣдствіе такого предреченія, *Александръ* всегда носилъ съ собою въ золотомъ ящикѣ освященную просфору. Теперь, онъ позабылъ ее дома.

Встревоженный этимъ, Александръ подзываетъ къ себѣ кардинала *Караффу* (будущаго Павла IV) и посылаетъ его принести изъ Ватикана освященную просфору; а ужинъ проситъ отложить до возвращенія кардинала. Кардиналъ спѣшилъ исполнить повелѣнїе Александра. Войдя во дворець, *Караффа* увидѣлъ въ комнатахъ Папы призракъ Александра, жертваго, распростертаго на одрѣ *). Испуганный видѣнїемъ, *Караффа* долго стоялъ въ оцѣпененїи; потомъ, опомнившись, схватилъ ящикъ съ просфорою и побѣжалъ назадъ. Между тѣмъ, слыша, что ужинъ отложенъ до возвращенія кардинала, дворецкїй рѣшился воспользоваться этимъ временемъ и принести забытые персики для десерта. Дворецкїй удалился; а Папа, томимый жаждою, потребовалъ вина. Помощникъ дворецкаго бросился къ буфету: шесть бутылокъ стояли отдѣльно отъ другихъ; въ умѣ помощника блеснула мысль: должно быть въ нихъ лучшее вино, хогда они отдѣлены — вѣрно и назначены для Папы. Полный стаканъ этого вина поднесенъ Александру. Папа взялъ и выпилъ большую половину; остальное подалъ сыну. *Цезарь* осушилъ стаканъ. . . . Черезъ нѣсколько минутъ, воротились *Караффа* и дворецкїй. Александръ пригласилъ сѣсть за столъ; сѣли — вдругъ Папа безъ чувствъ падаетъ на спинку кресель, страшное терзаніе обезображиваетъ лице сына его. . . . Пиръ прерванъ; Александра и *Цезаря* тотчасъ унесли въ Ватиканъ. Врачи употребили всѣ средства, истощили всѣ пособія; напрасно—противудїя оказались недействительны. Смертныя томленія Папы продолжались нѣсколько дней: 18 Августа 1503 года скончался Александръ VI. . . .

Цезарь Борджіа выпилъ менѣе; молодость и крѣпость тѣлосложенія помогли медицинѣ: онъ выздоровѣлъ. Но лучше бы для него сойдти въ могилу съ отцомъ; тогда, по-крайней-мѣрѣ, не видѣлъ бы онъ торжества враговъ, которые спѣшили уничтожить его прежнее могущество, силу и величіе. Все погибло невозвратно. Наслѣдникъ Александровъ, Юлій II, скоро избавилъ Италію и себя отъ безпокойнаго *Цезаря*, который не вдругъ хотѣлъ уступить врагамъ, а средства почиталъ всѣ дозволенными. Имѣнїемъ *Цезаря* овладѣло новое правительство, и самъ

*) Entretiens sur les vies des peintres. *Томази* также упоминаетъ объ этомъ.

онъ отправленъ въ Испанію плѣнникомъ. Италія отдохнула отъ пожаровъ и тайныхъ отравленій, которыми грозилъ ей неутомимый *Цезарь Борджіа*, оставившій потомству имя свое для выраженія всѣхъ злодѣяній...

Юлій II думалъ скрѣпить Папство оружіемъ и политикою. Хитрый, смѣлый, воинственный, Юлій принялъ дѣятельное участіе въ борьбѣ между Испаніей и Франціей. „Прежде не было Барона, который бы не презиралъ Папской власти, говорятъ *Макиавель*, „теперь, напротивъ, и Французскій Король благоговѣетъ предъ нею“. Юлій присоединилъ къ Папскимъ владѣніямъ Реджіо, Парму, Пиаченцу и простиралъ виды свои на самую Венецію. Но, скрѣпляя свои владѣнія оружіемъ и политикою, Юлій II наносилъ удары своему сану, какъ первосвященнику Христову: коварная, своекорыстная политика этого Папы, усиливая могущество его, какъ свѣтскаго владѣтеля, не могла не унижать его во мнѣніи народовъ, когда смотрѣли на него, какъ на главу Христіанства, который долженъ быть образцомъ чистоты духовной. Какъ будто нарочно, цѣлый рядъ Владыкъ Римской церкви поступками своими болѣе и болѣе унижалъ святость своего сана и терялъ права на уваженіе Христіанъ. И въ то время, когда народы Запада готовились расторгнуть цѣпи Ватикана, тіара Папская по-очередно покрывала главы, отягченныя вѣроломствомъ, всѣми чувственными наслажденіями; ее носили Александръ *Борджіа*, потомъ — если не столько отвратительныя, то и не болѣе почтенныя — головы Юлія II и Льва X. Первый проводилъ жизнь свою среди развратнаго и кровожаднаго Двора своего; второй вѣчно въ шлемѣ съ опущеннымъ забраломъ; третій предастъ Ватиканъ обновленному язычеству, насаждаетъ если не развратъ, то по-крайней-мѣрѣ чувственныя наслажденія. Блестательная свята Льва X, Кардиналы, поэты, музыканты, воины, льстецы, артисты, были вполнѣнну язычниками: изъ развалинъ древности, подобно свѣтлому метеору, вылетѣла красота языческая; и обратила Христіанскую Европу къ своему служенію. Преклоняясь передъ тѣмъ, который называлъ себя наместникомъ Христовымъ, воспѣвали наслажденія чувствъ, разсуждали о материализмѣ. Ревностные католики съ негодованіемъ смотрѣли на это, какъ называли они, возстаніе язычества.

Средня-времена слушали, изучали древнихъ, удивлялись имъ, покорились ихъ вліянію, но покорились не такъ прямо, не такъ полно, предались имъ не такъ страстно. Евросецъ среднихъ вѣковъ читалъ древнихъ, видѣлъ въ нихъ краснорѣчивыхъ писателей, но вмѣстѣ съ тѣмъ—язычниковъ, невѣрныхъ, чуждыхъ обществу истинной церкви. То ли жъ теперь, въ началѣ XVI столѣтія? О, какъ измѣнилась Італія! Что были Арабы за 400 лѣтъ, тѣмъ стали Італіяны для новой эпохи; Халифа *Мамуна* можно сравнить съ великимъ Герцогомъ Флоренціи *Козьмою Медичи*. Аравитяне, переводя, уничтожали оригиналы; ихъ пламенное воображеніе, чадо азійскаго солнца, запечатлѣло все, къ чему ни прикасались они: расцвѣчая и преобразовывая все по собственнымъ идеямъ, изъ Аристотеля они дѣлали ессенса, изъ астрономіи—астрологию, изъ астрологіи—медицину. Чудное поэтическое превращеніе: сказка замѣнила науку Грековъ, фантазія заняла мѣсто наблюденій и опытовъ! Какой яркій, можно сказать безумный свѣтъ игралъ въ этихъ различныхъ системахъ и терялся въ ихъ лабиринтъ! Что за собраніе самыхъ странныхъ гипотезъ все ихъ *точныхъ науки*, которыя гораздо справедливѣе бы назвать *не-точными*!—Путь, которому слѣдовали Італіяны, былъ не такъ смѣлъ и отваженъ, за то вѣрнѣе. Въ Італіи не стали черпать сокровищъ своихъ единственно изъ Греческаго источника; сыны древнихъ Римлянъ Італіяны совѣщались съ писменами отцовъ. Сообщивъ такое направленіе своему воспитанію, они пришли къ воротамъ Аѳонъ черезъ древній Лаціумъ. Изучая, а не мечтая; углубляясь въ размышленія, а не предаваясь фантазіи; насыщаясь знаніемъ дѣйствительнымъ, а не парами восторженной метафизики, фактами, а не гипотезами, Італіяны начали свое поприще изученіемъ, и этимъ, а не другимъ путемъ хотѣли возвыситься потомъ до поэзіи. Великое явленіе книгопечатанія помогло ихъ усиліямъ: истинный Аристотель вытѣснилъ Аристотеля Арабскаго; боговъ древности увидали лицомъ къ лицу. Неутомимо черпали Італіяны изъ первыхъ источниковъ: свѣдѣній ботаническихъ начали искать у *Діоскорида*, медицинскихъ у *Гиппократа* и *Галліена*, географическихъ у *Штолема*; и двигатели мысли человеческой, эти писатели древности, въ короткое время исполнили свое назначеніе. Арабы сдѣлали изъ нихъ волшебниковъ; для Італіи стали они избавителями;

разумъ свѣргнулъ тяжелыя цѣпи, которыми угнѣтали его: для Арабовъ расширились только предѣлы міра мечтательнаго, для Италіянцевъ отверзлись врата истины. Для Италіи зацвѣла дивная эпоха творчества.

Врожденная оригинальность соединилась съ изученіемъ превосходныхъ образцовъ древности. Вдохновеніе формы и кротость колорита заимствуется у древнихъ; отблескъ востока играетъ на горизонтѣ; отзвукъ среднихъ вѣковъ, вдалекѣ слышится шумъ ломающихся оружій. Сверкающій глазъ чудовищъ, исполиновъ и привидѣній блескитъ въ темной чащѣ сѣверныхъ лѣсовъ. Въ архитектурѣ, скульптурѣ и живописи чувствуется это двойственное вліяніе: величавая простота древняго искусства украшая бурный порывъ новаго генія, не охлаждаетъ его; отсюда дѣйствіе и противодѣйствіе, разливающія такую гармонію въ энергическихъ созданіяхъ *Микель Анджелио*. „Я вскину на воздухъ куполъ Пантеона“, говоритъ *Браманте*, какъ будто желая выразить этимъ символомъ душу христіанскую, которая овладѣла мыслию эллинскою и унесла ее въ сферу духа. *Рафаэль* создаетъ фрески, совершенно похожія на фрески Геркуланскія, такъ, что и до сихъ поръ достоверно еще не знаютъ, списалъ ли онъ ихъ, или самъ изобрѣлъ. Въ Мадоннахъ XVI столѣтія есть что-то принадлежащее Минервѣ древней. Чувство красоты физической преобладаетъ; душа теряетъ часть своего владычества; полужыческія искусства разливаются по христіанской Италіи. Одна только трагедія не отзывается этимъ вліяніемъ: драма по необходимости тѣсно соединена съ религіею; искусства пластическія, независимо отъ религіи, могутъ производить образцовыя созданія; но проявленіе театра народнаго возможно только подъ условіемъ одушевленія народа религіею. Подражаніе древнимъ создадо и освобожденный Иерусалимъ и „логи“ (*loggie*) *Рафаэля*; но драмѣ оно могло дать лишь блѣдныя, холодныя списки, безжизненныя слѣпки, бездушныя подражанія одной наружной формѣ. Комедія только перелагала въ разговоры сатиру, и въ этомъ отношеніи была достойною ученицею *Плавта* и *Теренція*. Въ оригинальности изобрѣтенія, въ веселости и свободѣ комическаго выраженія, *Аріостъ* и *Макиавель* мало имѣютъ соперниковъ.

Посмотрите пристальнѣе на дворъ Папы Льва X: тамъ вы увидите борьбу тѣхъ же двухъ началъ: съ одной стороны передъ вами суровое христіанство, религія горести и лишеній; съ другой геній рождающейся древности, муза нѣжная, полная жизни, граціи и благородства. Слѣды Апостоловъ не такъ уже привлекаютъ посѣтителей, какъ признаки рѣзца Фидіева. Церемоніалъ Папскаго дворца остается попрежнему: почтительно цѣлуется пришелецъ папскія туфли, этикетъ сохраняется по прежнему во всей строгости; но истиннымъ церемоніймейстеромъ новаго Рима было древнее искусство: оно принимало и ласкало иностранцевъ въ городѣ. Убѣждая первосвященника предпринять крестовый походъ противъ невѣрныхъ, чѣмъ доказываютъ необходимость его? расточаютъ все краснорѣчіе для соглашенія Папы на это святое предпріятіе, имѣя въ виду — *завоевать нѣсколько древнихъ манускриптовъ и спасти ихъ отъ гибели*. Главою и покровителемъ этого воскресшаго язычества, былъ Левъ X. Ему посвящалъ *Макіавель* свои творенія; онъ платилъ *Рафаэлю* и умѣлъ цѣнить его; онъ ободрялъ *Аріоста*; онъ улыбаясь, исправлялъ безчинныя комедіи кардиналовъ. Венеціанскій посланникъ оставилъ намъ портретъ этого Папы „онъ ученъ, и любитъ ученыхъ, очень благочестивъ, но больше всего любитъ хорошо пожить.“ *E dotto, e amador di dotti, ben religioso, ma vol vivere!* И дѣйствительно, этотъ Папа любилъ и умѣлъ хорошо пожить. Вѣчно его окружали поэты, музыканты, художники, импровизаторы; лѣто проводилъ онъ въ прекрасныхъ виллахъ, наслаждаясь отрадною тѣнію въ окрестностяхъ Рима; охотился, ловилъ рыбу, нѣлъ, читалъ стихи, раздавалъ награды отличнымъ музыкантамъ, всѣмъ кто пріобрѣлъ извѣстность въ искусствѣ. Зимой, Левъ X возвращался въ Римъ, городъ блестящій, многолюдный, богатый, цвѣтущій. По сходству вкусовъ, и Римъ любилъ своего первосвященника, радовался его возвращенію. Мануфактуры въ Римѣ процвѣтали; а богатство праздниковъ напоминало Востокъ. Левъ X казался царемъ изящныхъ искусствъ. Расточительность его должна была раззорить Ватиканъ; но этотъ порокъ, легко прощаемый, представлялся для умовъ свидѣтельствомъ какого то высшаго величія. Забывалъ, что новый *Гарунъ-Аль-Рашидъ* называлъ себя намѣстникомъ Христа, преемникомъ св. Петра; удерживались отъ укоризнъ его

въ порокахъ, столько сладостныхъ, столько блестящихъ. Когда узнали, что Юлій Медичи и молодая жена его пріѣдутъ жить въ Римъ, всё кардиналы обрадовались: „слава Богу, придетъ къ Медичи одинъ кардиналъ, намъ не доставало только дамъ при дворѣ, а вотъ наконецъ и онѣ.“

Судьба не изменила счастливѣйшему изъ Папъ: послѣднимъ счастіемъ Льва X-го было умереть во время; глаза его закрылись прежде окончанія XVI столѣтія. Вокругъ него уже собирались несчастія, которыя должны были наказать безразсудную расточительность; но эта гроза не отравила конца владычества столь утонченнаго. Ударъ однакожь былъ нанесенъ; вліяніе эпикурейскихъ идей Римскаго двора уже распространилось на всю Европу. Какія же были слѣдствія? Эти изящныя созданія, эти пороки, эта разгульная образованность, все это испугало соседніе народы. Еслибъ Римъ не былъ главою западно-христіанскаго міра и какъ бы первопрестольнымъ градомъ новаго теотоно-латинскаго общества, всеобщимъ центромъ образованности и просвѣщенія, наконецъ, еслибъ взоры всѣхъ не были устремлены на него, — зло было бы еще не такъ велико. Но въ Римъ стекались ежегодно со всего католическаго міра честолюбивое духовенство, ученые, свѣтскіе владѣльцы, путешественники, иноки, взрослые въ суровыхъ правилахъ отшельнической жизни. Много такихъ пришельцовъ было и съ сѣвера. Мысль о лишеніяхъ и горести была такъ тѣсно слита въ умѣ ихъ съ мыслию христіанскою, что они содрогнулись, увидѣвъ вблизи эти наслажденія. Этотъ блескъ ослѣпилъ ихъ, уютченность показалось преступленіемъ; ихъ оскорбляло все: и великолѣпіе мраморныхъ палатъ, и статуи Венеры и Апполона; и *Овидій* и *Теренцій*, замѣнившіе святыхъ Августина и Бернара; бикардиналы Рима, безнравственнѣе рыцарей Праги и Вѣны! Пришельцы отдаленнаго сѣвера думали, что впали въ бездну гибели, покорились державѣ Антихриста. Какъ? отецъ вѣрныхъ, владыка западнаго христіанства, обожаетъ языческія божества; кардиналы разговариваютъ о любви не хуже *Тибулла*; пагота языческая служитъ образцомъ для ваятелей; атеизмъ возвышаетъ главу свою предъ лицемъ креста; нравы также неистовы какъ и сочиненія! Чумные дни Александра *Борджіа* наконецъ вовсе заразили нравственную атмосферу Рима, и безъ того всегда па-

губную для добродѣтели женщинъ; наружное благочестіе первосвященника не можетъ ослабить этого вліянія, остановить разливъ идей, возникшихъ въ слѣдствіе такого состоянія общества. Самыя смѣлыя ученія процвѣтаютъ въ столицѣ христіанства. Лютеръ, пришедши изъ Виттемберга, входитъ въ Римъ, идетъ къ обѣднѣ и дивится проповѣданію Римскихъ священниковъ: богохульство исходитъ изъ устъ ихъ; догматы и обряды вѣры потеряли для нихъ высокое и таинственное свое значеніе; шутки стихотворцевъ коснулись наконецъ самыхъ священныхъ догматовъ. „Въ Римѣ — ищутъ современники — кому хочется прослыть за чловѣка умнаго, или за чловѣка со вкусомъ, тотъ непременно долженъ выдумать хоть какую нибудь порядочную Философскую ересь.“—Присоедините ко всему этому отвратительную продажу индульгенцій, и вы поймете чего должно было ожидать въ будущемъ, какія слѣдствія должны были произойти изъ такого положенія дѣлъ.

Реформа была неизбежна: все обстоятельства неудержимо влекли к ней. Правление Александра VI, Юлия II и Льва X довершили ослабление Папской власти. Всякий, кто был в Италии, возвращаясь на родину, рассказывает о разгульной жизни кардиналов, их соблазнительных праздниках, ученом кощунстве, безстыдной поэзии. Слухи об этом распространяются далеко, по всей Европе, а в глазах тогдашней Европы малейшее из этих заблуждений казалось тяжким преступлением. И это очень понятно: жизнь, чуждая изящности, приучает нас к неумолимо-строгому суждению обо всем, что носит на себе отпечаток утонченной роскоши. Рассказы об удовольствиях Ватикана, может быть и преувеличенные, заставили содрогнуться Европу; в самой Италии начали говорить, что Папа только по одному имени глава христианства *). Самые ревностные католики негодовали. И, как будто нарочно для увеличения неудовольствий, в это же время Папа собрал десятину, для наполнения сокровищ, расточенных его роскошью . . .

Разлив языческих идей и искусств, конечно, ослаблял христианство; но, в продолжении XV-ти столетий небесное откровение глубоко проникло в душу человечества, и теперь — ни какие усилия не могли уже поколебать христианства: не на одном только севере, в самом Риме, оно вооружилось всею энергией, и как могучий атлет возстало против эпикуреизма. В присутствии самого Льва X, Граф *Пикк-де-Мирандол* на соборе, изобразил нравы современников: „Прелатами и священниками, — говорил он, — овладела честолюбие, сладострастие и все обольщения роскоши; для хорошего стола они готовы жертвовать всем на свете, расточая самым недостойным образом имущества бедных и церквей.“ Папа не хотел обращать внимания на это; но за то многие духовные, и по большей части талантливые, красноречивые, соединяются для воз-

*) Франческо Веттери; рукопись его отыскал Г. Ранке в Библиотеке Коринни.

становленія церкви въ ея первобытномъ состояніи. Они хотятъ лишь обновить католичество, слѣдственно произвести реформу безъ потрясенія. — *Контарини, Садолето, Караффа* и нѣкоторые другіе, являются жаркими поборниками этого направленія. Они возстаютъ противу всѣхъ чувственныхъ наслажденій, противъ испорченности нравовъ католическаго духовенства; но скоро, однако жъ, принуждены и сами удалиться: одна только Венеція представляла имъ убѣжище. Этихъ ученыхъ католиковъ не удовлетворяло ни протестантство *Лютера*, ни католичество *Льва X*. Въ загородныхъ домахъ, выстроенныхъ на terra ferma Венеціанскимъ дворянствомъ, встрѣтили они другихъ изгнанниковъ; тамъ были несчастные Флорентійцы, еще растроганные проповѣдями *Савонароля*. Всѣ они стремились къ умѣренной реформѣ, къ возсозданію очищеннаго католичества; они держались центральнаго, религіознаго единства, но въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ обнаруживали образъ мыслей, совершенно сходный съ *Лютеровымъ*. Къ несчастію, этотъ классъ католическихъ протестантовъ не имѣлъ ни какой силы; они снова пристали къ сторонѣ Папы, когда бурныя явленія протестантства испугали и встревожили ихъ. Чѣмъ больше пріобрѣтали послѣдователей реформаторы Нѣмецкіе, тѣмъ тѣснѣе сжимали ряды свои католики Италіянскіе. Эта партія религіознаго, такъ сказать, посредничества, отступила тихо, шагомъ твердымъ, заключилась въ предѣлахъ церкви католической, и уже не выходила оттуда. Главы ея употребили всю силу разума, весь авторитетъ, всю извѣстность своего имени для укрѣпленія владычества Папы на основаніи, хотя уже тѣсномъ, но все еще величественномъ. Другіе увлеклись потокомъ событій, перешли Альпы, сдѣлались ревностными проповѣдниками протестантства, и погибли на кострахъ инквизиціи; или какъ соцініане, погрузились въ ту неизвѣстную глубину разума человѣческаго, гдѣ онъ уже погибаетъ и кончили тѣмъ, что стали проповѣдывать самыя безбожныя ученія. — Напрасны были усилія новаго Папы, *Адріана Утрехтскаго* *) этого почтеннаго старца, добраго, набожнаго, откровеннаго, который самъ призналъ многія заблужденія католичества и хотѣлъ преобразовать церковь, для предупрежденія ре-

*) Съ 9 Явва, я 1522 года по 24 Сентября 1525 года.

формации насильственной. Но „человѣку не выйти изъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ поставитъ его время“, говаривалъ *Адрианъ*. Мысль эту вполне можно примѣнить къ его правленію. Онъ стремился къ примиренію реформатовъ съ очищеннымъ католичествомъ; но кратковременность его властвованія и многія постороннія обстоятельства не допустили совершиться имъ предназначенному очищенію католичества; между тѣмъ какъ прямодушное исповѣданіе недостатковъ, послужило реформаторамъ новымъ поводомъ къ сильнѣйшимъ нападкамъ на Западную Церковь. Такимъ образомъ, кроткія добродѣтели и примирительный умъ *Адриана VI* не могли помочь ничему; даже едва осталось въ памяти, что этотъ другъ *Эразма* былъ Папою. Ему наследовалъ *Анжеліо Медичи*, родственникъ *Льва X*, принявшій имя *Климента VII* *).

Если Папу *Льва X* можно бы назвать счастливѣйшимъ изъ Римскихъ Владыкъ, то *Клименту* приличнѣе всего названіе самаго злополучнѣйшаго. Онъ былъ человѣкъ отличнѣйшій по характеру и нравственности, умѣренный, проницательный; получивъ образованіе въ домѣ просвѣщеннаго *Медичи*, *Климентъ* занимался теоріею и практикою искусствъ, зналъ геометрію, механику, чуждался предрасудковъ и страстей; въ правленіе своего родственника, онъ отличался умными, справедливыми совѣтами. Но, при всей дѣятельности, здоровомъ смыслѣ, твердости, всеобщемъ почтеніи, *Климентъ VII* впадалъ изъ ошибки въ ошибку, изъ неудачи въ неудачу: онъ совершенно заблуждался насчетъ Папскаго могущества, и думалъ быть новымъ *Гильдебрантомъ*. Онъ не замѣтилъ, что вся западная Европа была раздѣлена на двѣ враждебныя монархіи: одна страшная по своему пространству и вмѣстѣ ослабленная имъ, Имперія *Карла V*; другая, болѣе способная къ движенію, удобнѣйшая къ управленію, Франція. Искусный политикъ, чувствуя слабость Ватикана, уравновѣсилъ бы двѣ враждебныя силы, и тѣмъ охранилъ бы свои собственныя владѣнія: наблюдая одна другую, готовая къ взаимной борьбѣ, Испанія и Франція дали бы время вырости Риму;

*) Съ 19 Ноября 1523 года по 25 Сентября 1554 года. Въ изчисленіи Папъ ошибкою напечатано 26 Ноября.

не умѣвъ предотвратить бѣдствія, *Климентъ VII* былъ раздавленъ въ борьбѣ исполнновъ: его владѣнія были опустошены иностранными войсками, Римъ взятъ приступомъ, и Папа заплатилъ темницею за ошибки, которыя въ то время были вреднѣе самыхъ преступленій. Свидѣтель расхищенія Рима, *Климентъ VII* принужденъ былъ попеременно жертвовать власти духовной властью свѣтскою, правами *первосвященника* своимъ правамъ какъ *государя*; переходилъ отъ ожесточенія къ уступчивости, и отъ уступчивости къ ожесточенію. Отсутствие послѣдовательности въ его дѣйствіяхъ ясно показывало затруднительность его положенія; онъ посылаетъ на Флоренцію ту самую армію, которая разорила Римъ огнемъ и мечомъ, осыпала Папу оскорбленіями; наконецъ, за одно съ Францискомъ I, готовъ соединиться съ протестантами сѣверной Германіи. *Климентъ* умираетъ, и съ смертнаго одра видитъ, что Ватиканъ лишается всей славы, всей значительности: сѣверныя Государства отпали отъ Рима; часть Германіи и Швейцаріи отреклись отъ древняго подданства своего; племянники Папскіе вступили въ жестокую борьбу съ Флоренціею, владычество надъ которою было приобрѣтено столькими преступлениями и измѣнами. Затруднительное положеніе Папы ободряетъ Императора: *Карль V* требуетъ созванія собора. Опять возобновился вопросъ о томъ, чье мнѣніе непогрѣшительно: Папы или Собора, или же, — какъ полагали нинѣ—только единомысленное рѣшеніе и Папы и Собора? Соблазнительное дѣло *Екатерины Аррагонской* еще болѣе поколебало мнѣніе о непогрѣшительности Папскихъ рѣшеній. Англійскій Король *Генрихъ VIII* желалъ развестись съ супругою и просилъ о томъ еще *Юлія II*. Папа отказалъ ему, издавъ на этотъ случай особую буллу. Теперь, *Генрихъ VIII* прибѣгнулъ къ непогрѣшительности *Климента* съ просьбою отмѣнить также—непогрѣшительное рѣшеніе *Юлія* . . . Между тѣмъ новыя идеи снискивали себѣ съ каждымъ днемъ большее число послѣдователей: жаркіе защитники Папской власти, *Каптарини*, *Караффа* (будущій Папа *Павелъ IV*) и многіе другіе, обнаруживали подобный образъ мыслей. Неаполь и Модена особенно отличались такимъ направлениемъ. Три тысячи наставниковъ юношества, приверженцы новыхъ идей, отмѣчены инквизиціею въ кровавыхъ спискахъ . . Съ горестію въ сердцахъ, *Климентъ VII* кончаетъ печальные

дни свои, на шаткомъ уже, почти изломанномъ престолѣ могущаго *Гильдебранта*.

Но католичество само въ себѣ имѣло еще много жизненныхъ силъ; его внутренняя энергія побѣдоносно сопротивлялась ложной политикѣ Папскаго правительства. Католичество есть средоточіе южныхъ народовъ. Его величественная пышность сливается съ блестящимъ, вѣдшимъ гениемъ жителей Юга. Воспоминанія полнѣизма никогда совершенно не изглаждаются въ странахъ, гдѣ, подъ его покровительствомъ, развилось просвѣщеніе; христіанскую религію принимали тамъ сперва только какъ энергическое обновленіе древней вѣры, чувственное и духовное; католичество развилось въ тѣхъ странахъ, привитое къ религіи язычниковъ. Не то было на Сѣверѣ: тамошніе народы, отъ язычества и варварства, отъ невѣжества и бѣдности, прямо и быстро перешли къ вѣрѣ Христіанской, и образованности, неразлучно съ нею связанной. Народы южные привыкли всегда видѣть роскошь, сладострастіе, изящество и великолѣпіе церемоній; проповѣдники Сѣвера, люди бѣдные, простые, прежде всего учили людей строгимъ добродѣтелямъ и ревности къ вѣрѣ. Богослуженіе у народовъ небогатыхъ по необходимости не было такъ пышно какъ на югѣ; оттого-то, мало пріученные къ блеску церемоній, народы сѣверные никогда не смѣшивали величія Бога съ украшеніями первосвященниковъ. На оборотъ, Югъ Европы не могъ иначе понимать религіи, какъ въ пышности ослѣпительной; по этому, въ реформѣ, которая зародилась въ Германіи и проповѣдывалась въ Англии, Югъ видѣлъ непріятеля, нападающаго на собственный геній его. Созваніе Тридентскаго собора доказало, что дѣло шло о борьбѣ Юга съ Сѣверомъ. Соборъ этотъ всего яснѣе обнаружилъ, что Папское владычество, переживъ страшные продолжительные удары, и теперь еще не пало. Неизмѣнно строгія постановленія католичества противились примиренію обѣихъ сторонъ: они-то воздвигли непреодолимую преграду между двумя половинами Европы; они-то изрыли ту бездну, которая совершенно ихъ раздѣлила. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, невидимо-крѣпкія узы, какъ цѣпь неразрушимая, сжали все католичество. Образовался великій союзъ Юга; вокругъ области католицизма вознесся валъ, который сцѣпилъ предѣлы ея и охранялъ ихъ неприкосновенность.

Такъ началось перерожденіе Папскаго могущества: основаніе новому положенію дѣль положилъ соборъ Тридентскій; ревностными поборниками новаго порядка явились релігіозные ордена, вѣчные ратники, преданные Папѣ. Фанатическіе, ловкіе, они были сильны вѣчною безбрачностію, которая уединяла ихъ отъ интересовъ житейскихъ, мірскихъ; и подъ знаменемъ Рима устремились по всемъ направленіямъ, въ намѣреніи — подчинить міръ прежнему духовному его монарху. Почти все великое въ добрѣ и злѣ въ новой исторіи есть твореніе этихъ орденовъ: имъ принадлежатъ и возстановленная инквизиція, и отдаленныя миссіи, и воспитаніе народа. Для свершенія такихъ предпріятій нужны были люди безстрастные, дѣти безъ отцовъ, отцы безъ дѣтей, граждане безъ отечества. И все это нашлось.—Однимъ изъ самыхъ искусныхъ совершителей этого подвига былъ *Лойола*, знаменитый противникъ *Лютера*. Изъ воспламененной головы его вышла коллегія Іезуитовъ, которой долго покоретвовалъ міръ. Она была славна и могущественна; обаяніе честолюбія погубило ее: Іезуиты умѣли побуждать, а не сгибаться. *Ганпанелли*, — говоря его собственными словами, краснорѣчивыми и остроумными, — „отрѣзалъ себѣ правую руку, за то, что она была виновна.“ Въ этомъ случаѣ онъ поступилъ какъ благородный человѣкъ и строгій ученикъ Евангелія; но, уничтоживъ Іезуитскій орденъ, *Ганпанелли* лишилъ Папство самой твердой опоры.

Католичество преобразовывалось быстро, но безъ потрясеній.—Съ трудомъ, однако жъ, рѣшились наконецъ Папы отказаться отъ притязаній запоздалаго честолюбія и закоренѣлаго менотизма. Несчастіе свело ихъ съ прежней высоты; оно же и заставило ихъ возвратити древнюю степенность нравовъ: поступки ихъ, мало по малу, начали обнаруживать строгую благопристойность, уваженіе нравственныхъ принциповъ, словомъ все, что такъ взыскательно требуется отъ главы релігіи. Тиара, обезславленная *Борджіемъ*, униженная *Юліемъ II-мъ* и *Львомъ X-мъ*, вновь начала пріобрѣтать народное уваженіе. Впрочемъ, жестокая, опасная смуты волновали Папство: Франція, среди борьбы двухъ партій, долго колебалась; и потомъ, ея рѣшеніе осталось еще какъ то не полнымъ. По видимому, вліяніе католи-

цизма наконецъ увлекло ее; однако жъ, все-таки не могли тамъ истребить духа протестантства: онъ устоялъ противъ отступничества *Генриха IV*, патиска *Людвика XIV* и такого продолжительнаго, упорнаго сопротивленія, оказаннаго Французскимъ духовенствомъ; и впоследствии буйно проявился этотъ духъ оппозиціонный противъ католицизма, во время Французской революціи.—Римскій дворъ употребилъ все усилія, обнаружилъ величайшую энергію и самое напряженное упорство, для удержанія за собою старинныхъ завоеваній; но не могъ сохранить ихъ все и принужденъ былъ совершенно бросить нѣкоторыя изъ ихъ важнѣйшихъ частей. Даже въ Италію и Испанію проникъ, хотя не такъ незамѣтно, духъ протестантства; онъ противился всемъ усиліямъ Папъ и предуготовилъ таинственнымъ бытіемъ своимъ то состояніе, въ которомъ находятся обѣ страны эти въ наше время.

Характеръ Папъ, наследниковъ *Климентя VII*, имѣлъ также сильное вліяніе на судьбы Ватикана.—*Павелъ III*, изъ дома *Фарнезе* *), принужденъ былъ слѣдовать политикѣ примирительной, которая одна только была сообразна съ опаснымъ положеніемъ Римскаго двора. Благородные, открытые приемы этого Папы нравились народу и посланникамъ иноземныхъ дворовъ. Гордый, возвышенный духомъ, онъ старался поднять Папство въ общемъ мнѣніи: предметники его наполняли коллегію Кардиналовъ только ласкателями и угодниками;—*Павелъ III* отличился выборомъ превосходнымъ: Кардинальскую шапку получали при немъ люди замѣчательные, не привязанные къ нему ни годами ни родствомъ; наполнивъ же коллегію Кардиналовъ людьми способными, *Павелъ III* всегда съ уваженіемъ принималъ ихъ совѣты. Онъ былъ одаренъ умомъ возвышеннымъ и наблюдательнымъ; но трудный подвигъ предстоялъ ему въ это время: надо было побѣждать протестантовъ, возсоздавать католическое единство, союзить Европу противъ Оттомановъ, являться посредникомъ между Испанією и Францією. Къ несчастію, *Павелъ III* былъ отецъ и старикъ: стремленіе пережить себя,—этотъ блъчъ Папства,—требовало отъ него владѣній для сына, для внучать, брачныхъ союзовъ съ Королевскими домами. *Павелъ III*

*) Павелъ III, съ 15-го Октября 1554 года по 10 Ноября 1549 г.

не могъ избѣгнуть подводнаго камня, объ который разбились его предшественники: у него были незаконнорожденные сыновья; онъ женилъ ихъ также на незаконныхъ дочеряхъ владѣтелей:—честолюбіемъ великимъ и благороднымъ онъ жертвовалъ честолюбію личному, домашнему.

Вступивъ на престолъ, *Павелъ III* поручилъ *Контарини* и другимъ Кардиналамъ составить проектъ преобразования Римской церкви и соглашался на многія полезныя измѣненія.—*Лютеръ* бралъ основныя свои положенія изъ ученія католическаго; на нихъ-то и должно было, по мнѣнію *Павла*, опереться для воссоединенія протестантовъ съ Римскою Церковію. *Контарини* съ товарищами прежде всего разсмотрѣли главныя статьи: о первородномъ грѣхѣ, объ искупленіи человека, объ отпущеніи грѣховъ. Относительно всего этого они думали одинаково съ *Лютеромъ*; а вопросъ о непогрѣшительности и значеніи Папы предполагали отложить до другаго времени. Такимъ образомъ, затрудненія казались устраненными, и дѣло представлено на разсмотрѣніе Его Святѣйшеству.—Политика Франціи воспрепятствовала ожидаемому соглашенію обѣихъ партій: соперникъ *Карла V*, Король *Францискъ*, полагалъ, и не безъ основанія, что приниженіе протестантовъ съ Римскою Церковію послужитъ къ усиленію Императора, почему всѣми силами старался поддержать въ Римѣ противниковъ умѣренной партіи, и успѣлъ достигнуть желаемой цѣли: положено было вновь пересмотрѣть дѣло. Начались новые споры, и ревностные защитники неизмѣнности католичества отвергли все, что только сходствовало съ мнѣніями *Лютера*. *Контарини* получилъ прозваніе Римскаго *Меланхтона*, и принужденъ былъ оставить Римъ. Великое дѣло примиренія осталось недовершеннымъ: Папа не оказалъ съ своей стороны никакого содѣйствія. Можетъ быть, онъ и самъ перемѣнилъ мысли, разсмотрѣвъ планъ *Игнатія Лойолы*.

Испанскій дворянинъ, раненый во время Саваррскихъ войнъ, лечится въ богадѣльнѣ, и на досугъ читаетъ *Житія Святыхъ*. Легенды Римско-Католическія воспламеняютъ его восторженное воображеніе. Истинный сынъ вѣка преобразованій, онъ даетъ обѣтъ употребить всю жизнь на защиту религіи; а центромъ религіи для него былъ Папа. *Лютеръ* стремится разрушить власть

Римскаго Двора; *Лойола* напрягаетъ все силы, чтобы поддержать и распространить ее. Сначала, онъ самъ впрочемъ не сознавалъ своего назначенія; цѣль его опредѣленно выразилась уже впоследствии. Безпрекословное повиновеніе Папѣ и готовность идти, по первому слову его, на Турковъ, язычниковъ, еретиковъ: два неизмѣнныхъ условія, которыхъ требовалъ *Лойола*, какъ древній рыцарь, отъ вступающихъ въ орденъ Иисусовъ: послѣдователей Иисуса (Иезуитовъ), по его словамъ, должна одушевлять одна мысль—дѣйствовать въ пользу его намѣстника, Римскаго Папы. „У Иезуитовъ, говоритъ *Г. Ранке*, личные связи, дружба, все что побуждаетъ человека къ дѣятельности, замѣнилось только однимъ слѣпымъ послушаніемъ, безъ разбора предмета и слѣдствій; не позволялось даже искать мѣста выше того, какое кто занималъ. Кoadьюторъ изъ свѣтскаго званія не умѣлъ ни читать, ни писать; безъ особаго разрѣшенія, его нельзя было учить. Кто вступалъ въ орденъ, тотъ долженъ отказаться отъ права разсуждать, имѣть свое личное мнѣніе: его обязанность—слѣдовать мнѣніямъ своихъ начальниковъ, слѣпо, безъ разсужденія, какъ автоматъ, какъ орудіе, которое обращается туда, куда хочетъ тотъ, кто его держитъ въ рукѣ; начальники ордена для него должны быть представителями Божественнаго Провидѣнія.“

—Умъ, хитрость, образованіе, уклончивая политика и единство управленія дѣлаютъ Иезуитовъ важнѣйшимъ орудіемъ для новыхъ завоеваній Римскаго двора. Посредствомъ миссій, они распространяются во всей Европѣ и за ея предѣлами, втираются въ духовники къ высшимъ сановникамъ и мало по малу присвоиваютъ себѣ воспитаніе юношества; такимъ образомъ, они приобрѣтаютъ все средства—дѣйствовать на совѣсть и нравственное убѣжденіе и современниковъ и будущихъ поколѣній. Партія *Караффы* и другихъ защитниковъ Папской власти приобрѣла въ орденѣ Иезуитовъ ревностныхъ союзниковъ. Умѣренная партія католиковъ просила Соборъ не отвергать ученія объ отпущеніи грѣховъ и нѣкоторыхъ другихъ статей единственно потому только, что они сходны съ ученіемъ *Лутера*; Соборъ отвергнулъ все эти пункты. *Караффа* и *Бурioso*, принадлежа къ доминиканскому ордену, который завѣдывалъ инквизиціею, потребовали возстановленія этого судилища во всей его силѣ. *Инатій Лойола* поддержалъ ихъ требованіе особою запискою; Иезуиты считали это одною изъ

важнѣйшихъ заслугъ своихъ (praemia caudis). Въ 1542 году явилась булла о возстановленіи инквизиціи. Положено было: а) по дѣламъ вѣры, нимало не медля, производить самыя подробныя розыски; б) не обращать никакого вниманія на то, что дѣло касается даже свѣтскаго властителя или прелата, и не принимать въ уваженіе ни какаго сана, ни какой власти; с) дѣйствовать строжайшимъ образомъ съ тѣми, которые укрываются подъ чужимъ покровительствомъ, оказывая снисхожденіе только тѣмъ, которые изъявляютъ раскаяніе; д) ни подъ какимъ видомъ не терпѣть еретиковъ, особенно Кальвинистовъ *). — Костры запылали въ Италіи; гоненія устрашили всѣхъ, и заставили многихъ отличныхъ ученыхъ бѣжать изъ отечества. Нѣсколько Университетовъ и Академій было закрыто. Еретиковъ, или только подозрѣваемыхъ въ ереси, въ Римѣ сожигали противъ церкви Св. Маріи, въ Венеціи топили въ морѣ. — Въ 1552 году, замѣчаетъ Ранке, уничтожено все что могло бы содѣйствовать къ примиренію лютеранизма и кальвинизма съ Римскою церковію.

Соборъ Тридентскій отвергаетъ всякое ученіе, которое клонилось бы къ ограниченію Папской власти; Императоръ Карлъ V громитъ протестантовъ; но этотъ двойной успѣхъ приводитъ Папу въ странное положеніе. Павелъ III видитъ торжество своего дѣла, и ему кажется, что онъ успѣлъ уже слишкомъ много. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что возбуждая эту войну, онъ утѣпалъ себя надеждою видѣть нѣсколько торжествъ католичества: Папа могъ предполагать, что Императоръ приобрѣтетъ выгоды, полезныя общему ихъ дѣлу; но такого полнаго торжества для Императора Папа никогда не ожидалъ; никогда не думалъ онъ, чтобы вся Германія могла покориться Карлу V. Онъ предвидѣлъ много препятствій и козней; но счастье, сверхъ всякаго чаянія, услужило оружію католическому. И Павелъ III, тотъ, который нѣкогда желалъ торжествъ католическихъ, встревожился излишкомъ успѣха: Папа снова теперь принужденъ подпасть игу Императора — Гвельфа, стариннаго врага своего. . . И онъ же самъ, Папа, далъ Императору всѣ средства для торжества! Союзникъ католическаго Императора, въ глубинѣ своего сердца теперь пламенно желаетъ успѣха Сѣвернымъ протестантамъ;—

*) Біографія Караффы, открытая Г-ль Ранке.

истинными союзниками Папы отнынѣ тѣ, которые больше всего боялись возстановленія Папскаго владычества. *Павелъ III* не могъ удержать своей радости, когда узналъ о побѣдахъ *Юанна-Фридриха* надъ *Принцемъ Морицемъ*. Всѣми силами поддерживалъ онъ въ этой борьбѣ *Франциска*. „Его Святѣйшеству“, писалъ *Французскій Посланникъ*, „очень пріятно узнать, что *Герцога Саксонскій* *) теперь силенъ: онъ полагаетъ, что это удержитъ общаго врага **) отъ его дальнѣйшихъ предпріятій. . . По мнѣнію Его Святѣйшества, весьма бы полезно поддерживать подъ рукою (содержать на жалованьи) тѣхъ, которые сопротивляются ***), ему; онъ говоритъ, что вы, Государь, не можете сдѣлать расходовъ болѣе полезныхъ“. Это письмо лучше всего показываетъ, на чьей сторонѣ былъ Папа. На сторонѣ ли *Карла V*, Императора-католика, или на сторонѣ его противниковъ, *Нѣмецкихъ протестантовъ*? . . . Но это не ускользнуло отъ проницательнаго *Карла V*. Въ одномъ письмѣ онъ откровенно говорилъ о политикѣ Римскаго Двора: „Съ самаго начала войны, Его Святѣйшеству хотѣлось поставить насъ въ затруднительное положеніе, и послѣ того бросить“. — По Русской пословицѣ, въ этомъ дѣлѣ нашла коса на камень.

Семейное горе отравило послѣдніе дни *Папала III*. Подъ конецъ жизни, онъ открыто предался nepотизму: призналъ незаконно-рожденныхъ дѣтей своихъ, и съ нѣжностью отца старался обезпечить ихъ будущую участь. Не смотря на сопротивление всей коллегіи кардиналовъ, Папа доставилъ незаконному своему сыну, *Петру Луиджи*, два города, *Парму* и *Пиаченцу*. Гнусный развратъ и кровавыя буйства его ужаснули Италію, и съ крикомъ ядовитой насмѣшки повсюду разглашены протестантами Германіи. Ученость и глубокія богословскія познанія, не избавили Папу отъ предразсудковъ: глава католичества — вѣрилъ въ Астрологію, и ничего не смѣлъ предпринять, не узнавъ напередъ положеніе звѣздъ. Союзный трактатъ между *Францискомъ I* и *Павломъ III* разторгнутъ потому, что Папѣ показалась какая-то антипатія между созвѣздіемъ его и созвѣз-

*) Протестантъ.

***) Т. е. *Карла V*.

****) Т. е. протестантовъ.

діем Короля Французскаго. — Веселый, радостный, явился *Павелъ III* въ совѣтъ кардиналовъ: „Я вопрошалъ звѣзды“, вскричалъ Папа, „ихъ положеніе возвѣщаетъ мнѣ окончательное и вѣрное торжество: буря, мнѣ угрожавшая, разсѣется“. — II въ тотъ же день получены извѣстія, растерзавшія душу его чудовище, для котораго онъ пожертвовалъ уваженіемъ всего католическаго міра, *Петръ Луиджи* умерщвленъ въ Піаченцѣ.

Винновникомъ убійства былъ *Карлъ V*. Все приходитъ въ волненіе: Римская чернь хочетъ рѣзать Испанцевъ; *Павелъ III*, взбѣшенный, торопитъ *Франциска I* заключить миръ съ Германскими протестантами и умираетъ, съ растерзаннымъ сердцемъ, видя несбыточность всѣхъ надеждъ, узнавъ о козняхъ собственнаго семейства и ложныхъ друзей своихъ. . . Смерть примирала Папу съ его противниками: забыты были недостатки, которыми *Павелъ III* омрачилъ конецъ своего царствованія; вспомнили трудность обстоятельствъ, съ которыми онъ долженъ былъ постоянно бороться, и, сообразивъ, что *Павелъ III* вовсе былъ чуждъ многихъ недостатковъ, въ которыхъ упрекали его предшественниковъ,—искренно сожалѣли о кончинѣ Первосвященника.

Что сказать о правленіи *Юлія III*? Его Папство *) было безпечною, сладкою мечтою; оно не ознаменовалось ни какимъ важнымъ политическимъ дѣйствіемъ. Совершенно противоположный характеромъ воинственному соименнику своему, *Юлій III*, наконецъ, самъ удалился съ политическаго поприща и, выстроивъ себѣ виллу, рѣшился провести жизнь въ спокойномъ уединеніи. — Потомъ избранъ *Марцелль II*, бывший Папою на престолѣ только нѣсколько дней **). Послѣ него, является Кардиналъ *Караффа*, глава поборниковъ ненарушимости владычества Папъ.— Онъ принялъ имя *Павла IV*, и властвовалъ слишкомъ четыре года ***); ему было тогда 79-ть лѣтъ, но юношескій огонь еще сверкалъ въ его выразительныхъ, впалыхъ глазахъ. Восьмидесяти-лѣтній *Григорій*, могучею рукою правилъ кораблемъ Церкви; ему хотѣлъ подражать *Павелъ IV*.

*) Съ 8 Февраля 1550 по 25 Марта 1555 года.

***) Марцелль II, съ 9 Апрѣля 1555 по 1 Мая того же года, а не Іюня, какъ напечатано въ исчисленіи Папъ.

****) Павелъ IV, съ 25 Мая 1555 года по 18 Августа 1559 года.

Будучи еще Кардиналомъ, онъ глубоко изслѣдовалъ всѣ отрасли администраціи, и когда взялъ посохъ владычній, то могъ вѣрно судить о силахъ и средствахъ Римскаго двора. Энергическаго честолюбія своего новый Папа не хотѣлъ закрывать никакою маскою: „какіе назначите праздники по случаю избранія вашего Святѣйшества?“ спросили его. „Сообразныя съ достоинствомъ могущественнаго владѣтеля“, отвѣчала *Павелъ*. Можно было думать, что вся энергія католичества оживетъ подъ этою страшною рукою, что въ лицѣ *Павла IV* возродится новый *Гильдебрандтъ*.—И у этого почтеннаго старца, твердаго, сильнаго характеромъ, были страсти; а страсти у старика ужасны! Неаполитанецъ, *Павелъ IV* не навидѣлъ Испанцевъ: „Это отребіе земное, гнусное смѣшеніе Жида съ Арабомъ“, говорилъ онъ. Фанатикъ Папскаго могущества, *Павелъ IV* никогда не могъ забыть, что Испанско-Императорская армія огнемъ и мечомъ опустошила священнѣйшій Римъ, и владыку христіанства бросила въ темницу.—Ненависть *Павла IV* къ *Карлу V*, усиленная еще воспоминаніями личныхъ непріятностей, страшно проявилась при первомъ же случаѣ, и ввергнула Папу въ кровавый хаосъ Европейской политики.—Другая страсть *Павла IV* внушена была заботливостью о семействѣ своемъ. Прежде онъ самъ былъ противникомъ nepотизма; коллегія Кардиналовъ помнила о сопротивленіи *Караффы* отеческому пристрастію *Павла III*, и съ ужасомъ увидѣли всѣ, что глава кондотьеровъ, буйный племянникъ *Павла IV*, получилъ Кардинальство. Отважный бандитъ ненавидѣлъ Испанію: этого было довольно для дяди, и *Павелъ IV* облекъ племянника неограниченною довѣренностію. Скоро потомъ, *Павелъ* примирился съ двумя другими племянниками, предметомъ ненависти для народа, принявъ участіе въ ихъ дѣлахъ, и овладѣлъ землями *Колонновъ*. Вспыхиваетъ война, и какая! Протестанты бьются за Папу, католики противъ него; самый ревностный католикъ во всей Европѣ, мрачный, фанатическій Герцогъ *Альба*, ведетъ Испанцевъ противъ главы католичества *); защитники Ватикана — лютеране, еретики, на-

*) Осадивъ Папу въ Римѣ, *Альба*, какъ ревностный католикъ, явился, однако жъ, облобызывать туфлю Его Святѣйшества: какой яркій отпечатокъ вкуса, какъ ясно характеризуется этимъ повнновеніе свѣтское и церковное!

рушители постовъ, отвергшіе Римскую литургію. Папа сносится съ Альбертомъ Бранденбургскимъ, главою реформатскаго союза, и оканчиваетъ тѣмъ, что въ отчаяніи зоветъ къ себѣ на помощь . . . Султана. Всѣ намѣренія Павла IV не удаются, всѣ предпріятія рушатся; но, убѣленный съдинами, Первосвященникъ не отчаивается: дряхлый лѣтами, мощный духомъ, онъ ни на шагъ не отступаетъ. Миръ становится ему нуженъ. Ропотъ народа доходитъ до Папы: онъ видитъ, что не имѣетъ нужды въ дикой отвагѣ своихъ племянниковъ, и торжественно отвергаетъ ихъ; раскаяніе тревожитъ душу старца. Есть какое-то величіе въ его признаніи проступковъ своихъ. Въ полной консисторіи говорилъ онъ о преобразованіи Церкви; вдругъ раздался чей-то смѣлый голосъ: „Начни преобразование съ самого себя!“ И Папа, гордый, высокомерный, умолкъ, благородно поникъ головою, нарядилъ строгое изслѣдованіе поведенія преступныхъ племянниковъ, вель его неослабно и подписалъ осужденіе. Они были изгнаны. — Напрасно искали на лицѣ престарѣлаго первосвященника слѣдовъ печали, оскорбленной гордости; онъ былъ непреклоненъ и спокоенъ, какъ законъ. . . Въ исторіи Папства можно изучать все величіе и всѣ пороки, къ какимъ способна старость, со всѣми возможными особенностями и отбѣнками характеровъ.

Явный, открытый фанатизмъ Павла IV, кажется, возросталъ вмѣстѣ съ его величавою суровостію. Война съ протестантствомъ была войною на-смерть. Предѣдательствуя въ инквизиціонномъ судилищѣ, Павелъ IV, по суровости характера и ненависти къ протестантству, одобрялъ самыя отвратительныя жестокости, освящалъ своимъ присутствіемъ auto-da-fe, и не упустилъ ничего для утѣшенія протестантства, желая сохранить въ неприкосновенности по крайней мѣрѣ ту часть Папскаго зданія, которая завѣщана ему предшественниками. Постигая однако жъ необходимость исправленія Церкви, онъ старался водворить въ ней порядокъ и доставить ей вѣншее уваженіе; по этой причинѣ и церковныя обряды, никогда не доходили до такой пышности, ни даже при самомъ Львѣ X. Павелъ IV любилъ украшать храмы; свидѣтельствомъ этого осталась Сикстова Капелла. — На одрѣ смерти, онъ просилъ окружавшихъ его кардиналовъ поддерживать инквизицію и престолъ Римскихъ перво-

священниковъ. — Молчаливый, неприступный, мрачный, *Паселъ IV* не былъ любимъ народомъ; смерть его произвела истинную радость въ народѣ: едва узнали навѣрное, что грозный Папа не существуетъ, чернь напала на инквизиціонный дворецъ въ наѣтрениі ежечъ его и умертвить инквизиторовъ; статую перво-священника разбили въ куски, и главу, увѣчанную тѣлою, владчили по грязнымъ улицамъ. Продавцы стекляннѣй посуды долго потому не смѣли кричать по улицамъ: *bichieri! caraffe!* послѣднее слово напомнило Фамилію Папы, *Караффа*: они принуждены были кричать: „*bichieri, amrole!*“ Такъ велико было ожесточеніе черни.

Всѣ ожидали благопріятной переменѣ послѣ кончины *Пасела IV*, особенно когда узнали, что этому инквизиціонному монаху, этому страшному, неумолимому старику, избранъ наследникомъ *Пій IV* *). Новый Папа былъ, по видимому, характера кроткаго. Онъ старался пріобрѣсть народность; съ иностранцами обращался благосклонно и вѣжливо; любилъ свѣтскія удовольствія; однако жъ ни какъ не хотѣлъ уничтожить инквизиціи. Самъ онъ лично никогда не присутствовалъ въ ея засѣданіяхъ, говоря: „я не великій богословъ“ — странная отговорка для Папы. Впрочемъ, онъ позволилъ ей продолжать казни, устраивать многочисленныя костры и рѣкою проливать кровь несчастныхъ жителей Южной Швейцаріи: врожденная жестокость этого Папы совершенно противорѣчила его наружному добродушію. Племянники *Караффы* заплатили жизнь за свои преступленія; даже самъ Кардиналъ *Караффа*, завернувшійся въ багряницу и считавшій себя уже безопаснымъ подъ нею, едва успѣлъ неповѣдаться. Палачъ прервалъ его длинное исчисленіе своихъ злодѣяній: „пойдемте, *signor*, пора, пора“. — Но, если *Пія* нельзя укорять запоздалымъ честолюбіемъ, которое погубило столькихъ Папъ; то справедливость требуетъ замѣтить, что *Пій IV* не уничтожилъ nepотизма, но далъ ему лишь новый характеръ: онъ удовольствовался только обогащеніемъ родственниковъ своихъ. Съ того времени родные Папы получали по хорошему двору въ Римѣ, и ничего болѣе. *Сербелони* и *Карлъ Борромеи*, возведенные въ кардинальство, не только принесли честь выбору

*) *Пій IV*, съ 26 Декабря 1539 года по 9 Декабря 1563 года.

первосвященника, но и воскресили нравственность и благочестіе въ Италіи. При немъ же закрылся Тридентскій Соборъ, рѣшившій окончательное раздѣленіе Западнаго Христіанства.—Къ двумъ цѣлямъ стремились двѣ партіи на этомъ Соборѣ: одни утверждали полновластіе Римскаго Первосвященника, другіе требовали ограниченія власти его. И ни та ни другая цѣль не была достигнута. Папа, въ качествѣ рѣшителя еоборныхъ постановленій, утвердилъ догматы Вѣры. Протестантство до сихъ поръ искало началъ своихъ въ католичествѣ; Римская церковь отвергла ихъ, и тѣмъ совершенно отдѣлила себя отъ протестантской.—Предѣлы господства Римской церкви, говоритъ Г. Ранке, сдѣлались несравненно тѣснѣе: она предала протестантовъ анаемѣ и перестала наблюдать за Востокомъ и Западомъ; но чѣмъ тѣснѣе были предѣлы ея владычества, тѣмъ лучше сосредоточивались ея силы для противодѣйствія всякому нападенію.

По смерти *Пія IV*, избранъ Папою фанатикъ еще болѣе пламенный и столько же откровенный, *Пій V*, бывшій долгое время членомъ инквизиціи. „Этотъ Владыка Рима *) былъ человѣкъ религіозный, „Вступивъ на Папскій престолъ“, говоритъ Г. Ранке, „*Пій V* по прежнему исполнялъ все строгіе уставы монастырской жизни; съ точностью и примѣрною строгостью наблюдалъ посты; не хотѣлъ одѣваться лучше того какъ одѣвался въ монашествѣ; всякій день присутствовалъ при литургіи и часто самъ служилъ ее. — Но такія благочестивыя занятія не могли отвлекать его отъ дѣлъ государственныхъ; для того онъ вставалъ чрезвычайно рано и не отдыхалъ днемъ. *Пій* часто говаривалъ: „достоинство Папы не мѣшаетъ мнѣ преусиживать въ благочестіи; тиара была бы для меня рѣшительно не по силамъ, еслибъ я не подкрѣплялъ себя молитвами“. — Въ самомъ дѣлѣ, онъ приходилъ отъ нихъ въ умиленіе,—часто проливалъ слезы, не переставалъ молиться безъ утѣшительной увѣренности, что онъ услышанъ; молитвы поддерживали Папу до конца его жизни. Въ торжественныхъ процессіяхъ, первосвященникъ обыкновенно ходилъ босыми ногами, съ непокрытою головою; непритворное выраженіе благочестія на лицѣ *Пія*, руки сложенные на крестъ, длинная бѣлоснѣжная борода, которая

*) *Пій V*, съ 7 Января 1566 года по 1 Мая 1572 года.

закрывала всю грудь Папы, очаровывали народъ и приводили его въ восторгъ. Говорили, что никогда еще не бывало такового благочестиваго Папы, и что одинъ видъ его можетъ обращать еретиковъ. — Но это строгое благочестіе соединено было у него съ такою пріветливостію, которая покорили ему сердца всѣхъ Римлянъ. — Политическія дѣйствія *Папы V* ознаменованы однако жъ твердостью и неумолимою ненавистію къ врагамъ католичества. Тогда ясно обозначилось положеніе Папства: Испанія при *Филиппъ II*, была естественною союзницею Рима; Германія, Англія и Сѣверь—его врагами; Франція еще не представляла рѣшительно ни къ той ни къ другой сторонѣ.—Новый Папа, отважный, непреклонный, суровый и гибкій, подобно *Павлу IV*, ни сколько не имѣлъ той нестерпимой гордости, которая вооружила Римскую чернь противъ послѣдняго.—Стараясь пріобрѣсти любовь народа, проповѣдуя жизнь труженническую, набожность, и собственнымъ примѣромъ показывая образецъ строгаго исполненія обязанностей, подчиняя приходы и монашескіе ордена строгому надзору, *Папа V* продолжалъ великую борьбу съ сѣвернымъ союзомъ, упрочивалъ союзъ Венеціи съ Испанією, и направлялъ противу невѣрныхъ христіанское оружіе, которое должно было увѣнчаться такимъ торжественнымъ успѣхомъ при *Лепантѣ*. Вообще, *Папа V* показалъ себя умнымъ политикомъ и во многихъ отношеніяхъ отличнымъ человекомъ; но къ врагамъ католичества онъ былъ неумолимъ: возжегъ рвсїе Лиги, произвелъ Варооломеевскую ночь, осуждалъ на смерть всѣхъ послѣдователей ученія Лютера. Ереси онъ не прощаль ни благороднымъ, ни сильнымъ, ни богатымъ.

Примасъ Испаніи, Толедскій Архіепископъ *Каррара*, пришелъ въ подозрѣніе у инквизиціи. Его потребовали къ суду. „Я старался, напротивъ, искоренять ересь, говорилъ онъ. По моему повелѣнію, задерживали всякаго, кто только уклоняется отъ Римско-католическаго вѣроисповѣданія; мало этого: выкапывали и сожигали тѣла ихъ учителей. Католики и протестанты единогласно дали мнѣ имя защитника вѣры“. Такое оправданіе, однакожъ, не имѣло успѣха; нашли, что въ сочиненіяхъ Архіепископа многія мысли носятъ на себѣ отпечатокъ протестантскаго ученія; и „защитнику вѣры“, произнесенъ въ Римѣ

смертный приговоръ. Свирѣпыя поступки намѣстника Филиппова, Герцога Альбы, противъ Нидерландскихъ еретиковъ были торжественно одобрены *Пиемъ V*: въ знакъ особеннаго расположенія къ Испанскому полководцу, глава Римской церкви прислалъ ему священный мечъ. Желая подкрѣпить католическую партію во Франціи, Римскій Дворъ послалъ туда на помощь своего полководца, *Санта-Фиоре*; Намѣстникъ Бога мира, святѣйшій отецъ, далъ повелѣніе предводителю своихъ войскъ не брать въ плѣнъ ни одного гугенота, но тотчасъ же убивать каждаго, кто только попадетъ въ руки. Покровительство протестантовъ въ Англіи возбуждало непримиримую вражду въ сердце *Пія V*. Англичане никогда не простятъ ему громовой буллы противъ *Елисаветы*.—Необыкновенная смѣль всего, что есть великаго и страшнаго въ религіозномъ убѣжденіи: откровенное благочестіе, непреклонный фанатизмъ, великодушіе и неумолимая жестокость; таковъ былъ *Пій V*; такъ жилъ, такъ и умеръ онъ. Чувствуя приближеніе послѣднихъ минутъ, онъ посѣтилъ церкви, желая „въ послѣдній разъ поклониться святынѣ,“ и началъ говорить . . . о пожертвованіи всѣхъ своихъ сокровищъ церковныхъ, даже священныхъ сосудовъ, на экзекуцію противу Англіи. Послѣдніе скуди были выданы изъ казны Папской: ихъ употребили на возбужденіе Лиги. Ненависть къ Англіи, желаніе уничтожить ее, не оставляли *Пія* до послѣднихъ минутъ. На одрѣ смерти говорилъ онъ: „родитея нѣкогда человѣкъ, который совершитъ этотъ подвигъ; родитея, хотя бы даже изъ камня надобно было Господу создать такого человѣка.“

Григорій XIII, памятный для потомства преобразованиемъ календаря, провелъ почти все время *) въ борьбѣ съ дворянствомъ. Бандиты опустошали государство. Папа думалъ обуздать ихъ, престранною мѣрою: онъ даровалъ имъ совершенное отпущеніе всѣхъ грѣховъ; но тѣмъ только умножилъ беспорядокъ.—*Григорій XIII* самъ ужаснулся, и на одрѣ смерти не видѣлъ *человѣческихъ* средствъ для потушенія бѣдствій. Утомленный бременемъ жизни, добрый, но слабый первосвященникъ возвелъ очи къ Небу, Его призывая на помощь: „Возстани, Господи, и на Сіонѣ яви милость твою!“ — Новый Папа, *Сикстъ*

*) *Григорій XIII*, съ 15 Мая 1572 года по 10 Апрѣля 1585 г.

У еще кардиналомъ вынмалъ болѣзнь Рима и, смѣлою рукою схвативъ тѣару, доказалъ, что вполне достоинъ ея *). Лицемѣрие оиъ употребилъ орудіемъ для достиженія престола; но достигнутъ престола хотѣлъ единственно для блага Римской Церкви и своего несчастнаго отечества. Не имѣя ни связей, ни знаменитаго родства, ни богатства, *Перетти* видѣлъ невозможность составить сильную партію, и потому рѣшился дѣйствовать другимъ образомъ. Передъ народомъ, оиъ явился ангеломъ-утѣшителемъ во время голода, продавъ свое серебро и раздавая деньги бѣднымъ; передъ кардиналами, которыми всегда могъ бы казаться опаснымъ по силѣ характера, пылкаго и предприимчиваго, оиъ явился совсѣмъ перерожденнымъ человѣкомъ. *Перетти* надѣлъ на себя маску смиренія и кротости; удалялся отъ почестей и дѣлъ политическихъ, и пятнадцати-лѣтнимъ притворствомъ разогналъ всѣ подозрѣнія въ обманѣ. Силы его съ каждымъ днемъ слабѣли. Зная, что кардиналамъ всегда пріятно избирать въ Папы такого, который по дряхлости поручалъ бы правленіе другимъ и не могъ бы слишкомъ долго заграждать имъ путь къ престолу, *Перетти* довелъ притворство до *non plus ultra*: умъ его видимо погасалъ; замѣтили, что кардиналъ уже плохо видитъ, плохо слышитъ. Увѣренные въ глухотѣ добраго *Перетти*, товарищи, при немъ же, величали его *четверо-дневнымъ Лазаремъ и осломъ Марка*.

„Но этотъ поглупѣвшій, полу-слѣпый и оглохнѣй старикъ болѣе видѣлъ и слышалъ, чѣмъ всѣ члены священнаго коллегіума вмѣстѣ,“ говоритъ Г. *Шевыревъ* **) „Готовясь къ управленію государствомъ, не на болтливыхъ совѣщаніяхъ кардинальскихъ узнавалъ оиъ жизнь Рима, состояніе народа, злоупотребленія власти; у него были на то другія средства.“

Слабость *Григорія XIII* и корыстолюбіе его родственниковъ превратили столицу Папъ въ вертепъ бѣдности, разбоя, неправ-

*) Сикстъ V, съ 12 Апрѣля 1585 года по 27 Августа 1590 г.

**) Прекрасная характеристика Сикста V, написанная изящнымъ перомъ Г. *Шевырева*, была помѣщена въ „Библіотекѣ для Членівъ“ на 1853 годѣ (т. VI, No 10, отдѣленіе III, стр. 57—76). Въ статьѣ Г. *Шевырева*, равно какъ и у нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ писателей, Сикстъ V называется не *Перетти*, а *Монтальто*.

ды и всѣхъ пороковъ.—*Перетти* имѣлъ у себя двухъ вѣрныхъ приверженцевъ изъ духовнаго званія, которые доносили ему все что ни дѣлалось въ городѣ. Съ тою же цѣлю, какъ думаютъ, вызвалъ онъ къ себѣ и племянника, который такъ несчастно кончилъ жизнь свою. Сверхъ того *Перетти* имѣлъ еще два собственныхъ средства. Первымъ было незамѣтное окошко въ его комнату самаго нижняго этажа, выходившее на улицу. Здѣсь, запершись, онъ подслушивалъ все, что говорили между собою прохожіе и замѣчательное вносилъ въ свою памятную книжку.—Но главное, самое сильное, самое вѣрное, самое ужасное средство, было его собственное ухо и право исповѣди. Во время святаго 1375 года, или юбилея, когда Римъ и вся католическая Европа очищали грѣхи свои за цѣлое 25-ти-лѣтіе великими постами, въ тяжкія времена голода и другихъ бѣдствій народныхъ, когда выставлялось въ храмахъ святое причастіе, *Перетти* ходилъ изъ церкви въ церковь, и исповѣдовалъ народъ. Наружно святая, постная жизнь его, кротость характера, щедрость къ бѣднымъ, снисхожденіе къ слабостямъ человѣческимъ, простое, утѣнительныя краснорѣчіе, пріобрѣтали ему сердца народа и множество кающихся. Смирненно затворяясь въ шкафъ исповѣдника, онъ выставлялъ свое ухо въ отверстіе и, для своихъ сокрытыхъ цѣлей, ловилъ минуты покаянія въ развращенномъ народѣ Рима. Здѣсь набожное преступленіе Юга, въ свои чистыя минуты, повѣряло ему кровавыя тайны. Убийца, разбойникъ, воръ, корыстный судья, покрывавшій ихъ злодѣйства, грѣшная дѣва, злоупотребители власти, слагали у него тяжкое бремя грѣховъ. Здѣсь обличалась передъ нимъ вся жизнь Рима, всѣ интриги ея, злодѣянія, развратъ, всѣ тайныя мысли города. Народъ, простодушный и въ порокахъ, приносилъ всю свою совѣсть, всю нечистоту свою; но не зналъ того, что все, что только ни входило въ это ухо, печатлѣлось въ головѣ будущаго Папы, строгаго карателя виновныхъ. Пятнадцать лѣтъ такой исповѣди должны были обогатить памятные записки кардинала, готовившагося въ первосвятители, и доставить ему даръ того обвинительнаго всезнанія, которое явилось нѣкимъ чудомъ для народа.

Наступило 12 (н. с.) Апрѣля 1383 года, давно ожидаемый день избранія . . . Голоса читались . . . Чаше всѣхъ упомина-

лось имя *Перетти*, чаще всѣхъ чертилъ онъ въ своей книжкѣ. Еще не кончилось чтеніе голосовъ, еще бласты оставались въ чашѣ, какъ *Монтальто-Перетти* уже видѣлъ, что добыча была въ рукахъ его. Старикъ, Царь своей воли, умерщвлявшій въ себѣ всякое побужденіе страсти и терпѣвшій цѣлыя 15 лѣтъ, не могъ вытерпѣть одной, послѣдней минуты, когда почувствовалъ, что желанная тиара уже коснулась рукъ его. Онъ пересталъ записывать, всталъ съ табурета, посохъ выпалъ изъ его руки. . . Кардиналы оборотились на стукъ: старикъ прямо въ станомъ, выросъ, металъ огненные взгляды на собраніе. Всѣ, изумленные, смотрѣли на чудо превращенія, и не вѣрили глазамъ своимъ. *Фарнези*, духомъ сильнѣйшій, замѣтивъ недоумѣніе, хотѣлъ воспользоваться минутою и воскликнулъ: „остановите чтеніе баловъ: есть ошибка въ голосахъ“. — „Нѣтъ!“ воскликнулъ *Перетти* громче *Фарнези*: „ошибки нѣтъ, избраніе вѣрно!“ Окнувъ всѣхъ однимъ огненнымъ взглядомъ, онъ сразилъ имъ *Фарнези*, и самъ, громкимъ голосомъ крѣпкаго мужа, противъ обычаевъ избранія, возгласилъ *Тебѣ Бога хвалимъ*. — Деканъ могъ остановить его, потому что начинать гимнъ было правомъ Декана; но испытанная воля одного человѣка, въ теченіи полужизни носившаго въ себѣ одну мысль, уже совершала чудо власти надъ безсильными. Пока *Фарнези* не могъ выйти изъ смущенія, всѣ кардиналы начали вторить пѣнію своего нарѣченнаго, и гордый *Фарнези* невольно послѣдовалъ за всѣми. . . Кардиналы процессіей отправились въ храмъ Св. Петра; скороходы дворцовые несли Папу, сидѣвшаго на тронѣ. Народъ тѣснился въ храмъ и его притворахъ. Всѣ всматривались въ новаго владыку; всѣ старались узнать въ немъ того дряхлаго, больного Кардинала, который ходилъ согнувшись и казался умирающимъ. *Сикстъ V* бодро и прямо возсѣдалъ на тронѣ, и, величаво простирая сильную десницу, неумоимо во всѣ стороны расточалъ благословенія народу. Раздались голоса: „Святый отецъ, дай намъ изобиліе, дай правосудіе, молимъ тебя!“ — „Изобиліе будетъ вамъ нашею милостію, громко отвѣчалъ Папа, а правосудіе—Богъ вложилъ намъ въ сердце.“

Римляне еще не понимали чуда: Кардиналы понимали его, и нѣкоторые изъ нихъ, въ порывѣ первой смѣлости, напомнили

Папѣ о прежнемъ его смиреніи. Тогда-то онъ далъ имъ знаменитый отвѣтъ, который не только остался историческою пословницею въ устахъ Римскаго народа, но перешелъ и къ другимъ: „Бывши Кардиналомъ, мы ходили согнувшись и смотрѣли въ землю, потому что на ней пекали ключей небесныхъ; нашедши ихъ, мы смотримъ въ небо, потому что на землѣ намъ никто уже не нуженъ.“—Еще примѣчательнѣе отвѣтъ *Сикста* своему духовнику. Когда тотъ говорилъ ему, что все при дворѣ удивлялись, какъ въ теченіи столькихъ лѣтъ своего Кардинальства могъ онъ поддерживать лицемеріе, *Сикстъ* отвѣчалъ: „Скажи тѣмъ, которые удивляются, что на насъ была десница Божественнаго Провидѣнія; что Оно одно дало намъ силу поддерживать лицемеріе, признавая его въ насъ за добродѣтель, потому что Оно проникло въ наше святое намѣреніе укрѣпить государство Церкви, престоль Апостольскій, и возвеличить славу Рима. Советъ наша покойна.“—Скоро и Римскій народъ понялъ чудо превращенія, сначала къ своему ужасу, потомъ къ своему счастью. Въ теченіи 15 дней конклава, этого приниженія вольности народной, много новыхъ злодѣяній совершилось въ Римѣ. Преступники въ день избранія Папы имѣли обычай открывать свои злодѣянія и добровольно заключаться въ темницы, въ надеждѣ на милостивый манифестъ, издаваемый въ день вѣнчанія Папы. Двѣсти преступниковъ заключились въ темницу, услышавъ объ избраніи кроткаго и добраго Кардинала *Перетти*, но тщетно потомъ ожидали манифеста отъ *Сикста V*. Онъ не выдалъ его, не смотря на просьбы самихъ Кардиналовъ, сказавъ: „Хочу чтобы народъ мой зналъ, что я призванъ Богомъ на правосудіе, и дамъ ему въ одинъ и тотъ же день два зрѣлища: мое вѣнчаніе и казнь преступниковъ.“

„О многихъ Папахъ живетъ преданіе въ Римскомъ народѣ; по всѣхъ сильнѣе напечатлѣлась память о правосудномъ *Сикстѣ V*: многихъ Государей своихъ чтитъ онъ какъ святыхъ; но въ немъ поклоняется величію души Римлянина,“ пишетъ *Г. Шевьеръ*. — „До сихъ поръ изъ устъ Римской черни вы услышите, что *Сикстъ* пятый царствовалъ пять лѣтъ, построилъ пять дворцовъ, пять храмовъ, пять улицъ, воздвигъ пять древнихъ обелисковъ, и за всѣмъ этимъ, въ запасной кассѣ Св. Ангела, оставилъ по смерти своей пять милліоновъ скудовъ.“

Въ сравненіи съ кроткимъ, но слабымъ правленіемъ *Григорія XIII*, вѣкъ *Сикста V* былъ жестокимъ, но зато и благотворнымъ для областей Папекихъ. Рѣшительными, твердыми мѣра-ми, *Сикстъ V* усмирилъ бандитовъ и прекратилъ разбой; для развитія промышленности, основалъ нѣсколько фабрикъ и насадилъ цѣлыя рощи тутовыхъ деревьевъ, отчего шелководство значительно распространилось и улучшилось. Памятниками его заботъ объ украшеніи Рима, остались: куполь на храмъ Св. Петра, новый водопроводъ и нѣсколько прекрасныхъ зданій въ новомъ вкусѣ. Но эта же самая страсть къ новѣйшей архитектурѣ была причиною разрушенія многихъ замѣчательныхъ остатковъ древности. На колоннахъ Траяна и Антонина, *Сикстъ V* приказалъ поставить изображенія Апостоловъ Петра и Павла; изъ всѣхъ статуй, украшавшихъ нѣкогда храмъ Юпитера Громовержца, оставлена только одна Минерва: у ней замѣнили копье крестомъ, и памятникъ язычества теперь сталъ изображеніемъ генія христіанства. — Пламенное воображеніе *Сикста* создало планъ вырвать гробъ Господень изъ рукъ невѣрныхъ, и для этого думалъ онъ завоевать Египетъ и Турцію; а для облегченія торговли прорыть перешеекъ Суэзскій. — *Сикстъ V* уважалъ Англійскую Королеву *Елисавету* и Французскаго Короля *Генриха III*; но, какъ глава и защитникъ католичества, Папа не могъ не поддерживать и Герцога *Гиза*, ревностнаго поборника Римской церкви. Во Франціи образовались двѣ партіи: на одной сторонѣ были Протестанты и *Генрихъ III*; на другой — Герцогъ *Гизъ*, *Екатерина Медичи* и всѣ католики; покровителемъ ихъ считался *Сикстъ V*. Убійство Герцога *Гиза* вооружаетъ противъ Короля весь народъ. *Генрихъ III* падаетъ подъ рукою фанатика — Доминиканца *Якова Клемана*. Глава католической партіи въ Германіи, *Максимиліанъ Баварскій*, въ письмѣ къ матери, изъявилъ живѣйшую радость объ умерщвленіи Французскаго Короля. Испанія, въ лицѣ своего посланника, раздѣляла подобныя чувства. Мысль о повсюдномъ торжествѣ католическихъ партій въ западной Европѣ осѣнила день кончины *Сикста V*, 27 Августа 1590 года. . .

Въ продолженіи одного года и четырехъ мѣсяцовъ трое

Папѣ смѣнились на Римскомъ престолѣ *). 30 Января 1592 году избранъ Папою *Климентъ VIII*, человекъ умный, добродѣтельный и благочестивый **). При немъ для Папства открылись новые виды: Брестскіе соборы (1590 — 1596) предавали Русскую землю во власть *Климента VIII*. Исполнилось давнишнее желаніе честолюбиваго Рима: грамота 2 Декабря 1594 года признала Папу Владыкою христіанства; отступники отъ Православія обнародовали, 1596 года, *Унію*. . . Иезуиты разлились по Западной Руси. . .

Напрасны были усилія поборниковъ Православія: подкрѣпляемая фанатикомъ католичества, Польскимъ Королемъ *Сигизмундомъ III*, *Унія* быстро распространялась по Малороссіи. Начались гоненія. Казаки возстаютъ; но ихъ успѣхи временны; и — въ страшныхъ мученіяхъ гибнутъ защитники Православія. Но Польское правительство не даетъ Уніатамъ обѣщанныхъ правъ, стараясь обратить ихъ къ полному католичеству. — Хитро, искусно дѣйствуютъ Иезуиты; издавна они приготовляли народъ къ возстановленію правилъ *Флорентійскаго Собора*. Но Русское правительство также не дремало: оно постигало виды *Сигизмунда*, и мудрою политикою *Годунова*, въ Москвѣ является Патріархъ всея Руси, (1589), котораго равнымъ признали Патріархи Восточные. — Виновникъ учрежденія новаго Патріаршества избирается на царство. Иезуиты рѣшаются воспользоваться обстоятельствами: въ 1604 году является въ Литвѣ мнимый Царевичъ *Димитрій*; съ него берутъ обязательство — ввести въ Россію католичество; онъ самъ отрекается отъ Восточной церкви и поручаетъ себя покровительству *Климента VIII*. Папскій Нунцій *Рантони* представляетъ мнимаго *Димитрія Сигизмунду*, этому фанатику, который уже мнилъся Швеціи единственно изъ желанія искоренить тамъ лютеранство; ему говорятъ о славѣ быть распространителемъ католичества на всемъ Сѣверѣ, о возможности, при помощи Русскаго Царя, имъ же возведеннаго, возратить Шведскую корону. *Сигизмундъ* рѣ-

*) Урбанъ VII, съ 15 по 27 Сентября 1590 года; Григорій XIV, съ 5 Декабря 1590 года по 15 Октября 1591 года; Иннокентій IX, съ 30 Октября по 31 Декабря 1591 года.

(**) Климентъ VIII, съ 30 Января 1592 года по 3 Марта 1605 года.

нается помогать изъ подъ руки. Въ Августѣ 1604 года, Лжедимитрій явился къ войску, въ сопровожденіи двухъ Іезуитовъ, *Николая Черниковскаго* и *Андрея Лавицкаго*. . . 15 Апрелья 1605 года Борисъ внезапно скончался. Черезъ три мѣсяца Самозванецъ былъ уже въ Москвѣ: измѣна *Басманова* предала ему войско; юный Царь *Теодоръ* свернуть съ престола; Патріархъ *Іовъ* низведенъ, на мѣстѣ его *Инатій*, хитрый Грекъ, получившій отъ *Годунова* Рязанскую Епархію, но передъ прибытіемъ въ Россію жившій въ Римѣ. . .

Будущаго никто не предвидѣлъ; кровавая развязка драмы совершилась уже при наслѣдникахъ *Климентя VIII*.

Между тѣмъ какъ обширный планъ Іезуитовъ относительно Восточной Европы, долженъ былъ повергнуть ее къ стопамъ Римскаго Владыки, дѣла на Западѣ также не ускользали изъ вида учениковъ *Лойолы*. Отличаясь ученостью, этотъ орденъ, какъ мы видѣли, привоилъ себѣ воспитаніе юношества; теперь, при *Климентѣ VIII*, дѣйствовало уже поколѣніе воспитанное въ школахъ Іезуитовъ. Съ издѣтства оно привыкло къ мысли, что Государство есть тѣло церкви, которая поэтому и должна владычествовать надъ нимъ, какъ духъ надъ тѣломъ. Іезуиты старались внушить своимъ послѣдователямъ, что грѣхъ есть умышленное нарушеніе заповѣдей Божіихъ: онъ происходитъ тогда, когда человекъ, зная что его поступокъ будетъ противенъ заповѣдямъ Божіимъ, не отказывается отъ своего намѣренія, но приводитъ его въ исполненіе. Отсюда они выводили, что человекъ можетъ дѣлать зло, не впадая въ грѣхъ. Но, если отсутствіе сознанія уничтожаетъ грѣховность поступка, по существу своему законопреступнаго; то грѣхъ совершенный съ цѣлю — сдѣлать благо, освящается этимъ благомъ, говорили они. Цѣль должна, по ихъ словамъ, освящать средства: для достиженія полезной цѣли, все средства должны быть позволены, и преступленіемъ должно признавать только то, что оканчивается преступленіемъ же, не принося никакихъ полезныхъ слѣдствій. Если же для доброй цѣли позволяется употреблять все средства, то и клятвопреступленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть дозволено; а такъ какъ тяжесть грѣха условливается степенью сознанія, то наружный обрядъ безъ участія духа, не мо-

жетъ считаться дѣйствительно-обязательнымъ; слѣдственно и клятва, данная противу желанія, или не съ полнымъ сознаниемъ по мнѣнію Іезуитовъ, такъ же не дѣйствительна. — Изъ этихъ основныхъ началъ развивается цѣлый кодексъ беззавѣстности, гражданской и политической. Понятно, что, воспитанное въ такихъ правилахъ, юное поколѣніе, не затруднялось ни какимъ средствомъ для достиженія своихъ цѣлей, изъ которыхъ первою было стремленіе подчинить свѣтскую власть церковной. Въ оправданіи поступковъ своихъ воспитанники Іезуитовъ также не затруднялись: превратное, но искусно-діалектическое перетолкованіе текстовъ священнаго писанія служило имъ важною опорою. Распространенные по всей Европѣ, но крѣпко связанные единствомъ управленія, они могли все предпринять для достиженія своихъ добрыхъ цѣлей. Тайный совѣтъ Англійской Королевы *Елисаветы* былъ извѣщенъ, что Іезуиты, находящіеся въ разныхъ странахъ, вступили между собою въ обязательство — изводить еретическихъ Государей. Въ самомъ дѣлѣ, 27 Іезуитскихъ писателей обнаруживаютъ въ своихъ сочиненіяхъ подобный образъ мыслей. Не мудрено, что убійство *Генриха III* (въ 1589 году) было дѣломъ Іезуитовъ. Въ правленіе *Генриха III*, Французское духовенство разрѣшило народъ свой отъ присяги законному Государю, католику, но не гонителю протестантовъ; теперь, когда монархическія идеи стали брать верхъ надъ фанатизмомъ, Сорбонна отвергла прежнее свое ученіе, „потому что оно не было утверждено Папою, какъ изобрѣтеніе людей злонамѣренныхъ“, хотя корона Французская была на главѣ *Генриха IV*, еретика, еще не примирившагося съ Церковью. Но Іезуиты не думали отказаться отъ своихъ плановъ: не прошло и пяти лѣтъ послѣ убійства *Генриха III*, когда *Жанъ-Шатель* покусился (1594 года) на жизнь Короля-еретика; онъ успѣлъ нанести рану *Генриху IV*, но былъ схваченъ. При допросѣ, онъ объявилъ, что мысль объ этомъ преступленіи родилась въ немъ по внушенію Іезуитовъ, его наставниковъ. Большинство народа было на сторонѣ Короля; едва защитили Іезуитовъ отъ насилій черни. 22 Декабря, Парламентъ Парижскій повелѣлъ Іезуитамъ удалиться изъ Парижа и другихъ городовъ въ теченіи трехъ дней по объявленіи этого распоряженія. Почти всѣ Парламенты Королевства подтвердили тоже са-

мос. Иезуиты были изгнаны изъ Франціи; но кинжалъ *Равальяка* (1610 г.) едва ли не ими же направленъ на грудь *Генриха IV*.

Климентъ VIII, свидѣтель повсюднаго распространенія Иезуитовъ въ Европѣ, скончался 5-го Марта 1603 года.—Онъ могъ умереть спокойно, съ надеждами на возвышеніе католичества, особенно послѣ Уніи и появленія Самозванца въ Россіи; но тучи бѣдствій уже начали собираться.

Основателемъ ордена Иезуитовъ былъ Испанецъ и потому однимъ пунктомъ ихъ присяги налагалась обязанность, во всѣхъ дѣйствіяхъ стараться наблюдать выгоды Испаніи. Въ правленіе *Филиппа II* между членами Иезуитскаго ордена нашлись недовольные, которые начали дѣйствовать противъ него. Король въ самомъ дѣлѣ не питалъ къ ордену никакого расположенія, хотя въ душѣ былъ фанатикомъ католицизма: „Вотъ единственное сословіе, котораго я не могу ни понять, ни вызнать его намѣреній“, говорилъ *Филиппъ*. Зная, что всѣ дѣйствія ордена сосредоточиваются въ лицѣ его Генерала, онъ желалъ доставить самъ этотъ Испанцу; во-преки его видамъ, тогда Генераломъ былъ *Аквавива*, родомъ Италіанецъ.—Иезуиты наблюдали за дѣйствіями инквизиціи; но и сами также состояли подъ ея надзоромъ.—Между инквизиціею и орденомъ Иезуитовъ начались неудовольствія: съ обѣихъ сторонъ стали обвинять другъ друга въ преступленія. Распустили слухъ, что между Иезуитами скрываются еретики. Для рѣшенія этого дѣла, *Филиппъ* тотчасъ назначилъ общую конгрегацію; а конгрегаціи для Иезуитскихъ Генераловъ были то же что соборы для Папъ. Къ радости *Филиппа* и огорченію *Аквавивы*, посреди ордена возникли раздоры. *Аквавива* долженъ былъ наконецъ согласиться; впрочемъ, конгрегація оправдала его въ отступленіяхъ отъ орденскаго Статута. Однако жъ, по настоянію *Филиппа*, *Аквавива* принужденъ былъ отмѣнить нѣкоторыя статьи, касавшіяся до инквизиціи и правительства.—Ободренный успѣхомъ, гордый повелитель Испаніи потребовалъ ограниченія власти Иезуитскихъ старшинъ и постоянного назначенія общихъ конгрегацій. Тогда начались новые споры; дѣло перенесено въ Римъ къ Папѣ, который наконецъ опредѣлялъ: старшинамъ и ректорамъ назначаться на три года, а общимъ конгрегаціямъ собираться черезъ шесть лѣтъ.—Къ большому неудовольствію Римскаго двора, между самими

членами Иезуитскаго ордена возникли раздоры, которые долго не прекращались, особенно когда нѣкоторые члены захотѣли было соединиться съ орденомъ Доминиканцевъ. Другіе этому воспротивились, во-первыхъ потому, что самъ учредитель Иезуитскаго ордена принадлежалъ къ ордену Св. Фомы; а во-вторыхъ потому, что лучшія богословскія кафедры Доминиканцевъ находились въ Испаніи, которая непріязненно смотрѣла на братство Иисусово. . . Такимъ образомъ, двѣ страны католическія, Испанія и Франція, не приставая къ протестантству, не измѣняя основнымъ догматамъ религіи, возстали противъ Иезуитовъ и властолюбивыхъ намѣреній Римскаго духовенства; явился еще врагъ,—республика Венеціанская.

Хитрые Венеціане никогда не довѣряли дружбѣ Папъ: они еще не забыли покушеній *Юлія II* и естественно имѣли поводъ къ новымъ опасеніямъ за свою свободу, когда *Климентъ VIII* овладѣлъ Феррарою, *по праву*, очень сомнительному.—Съ наследникомъ *Климента*, *Левомъ XI* у нихъ не могло дойти до сильныхъ распрей, потому что его правленіе продолжалось только двадцать шесть дней *). Когда же Папскую тиару возложили на *Павла V* **); тогда раздоры Венеціанской республики съ Римскимъ Дворомъ достигли высшей степени. Республика постановила для Венеціанскаго духовенства особыя правила и обложила его податью. Иезуиты надѣялись воспротивиться этому; ихъ писатели начали утверждать, что ни духовенство ни власть Папы не подлежатъ свѣтскому суду. Республика также ополчилась ученымъ образомъ: Венеціанецъ *Сарни* составилъ полный сводъ всѣхъ церковныхъ и государственныхъ уставовъ, на основаніи которыхъ опредѣлилъ границы обѣихъ властей, церковной и свѣтской; показалъ съ точностію, что подлежитъ духовному вѣдомству, а что свѣтскому, и опровергъ всѣ положенія Иезуитовъ. Папа отлучилъ Венецію отъ церкви. Но духовенство республики было на сторонѣ своего правительства: ни одинъ списокъ съ Папской буллы не былъ прочтенъ въ церквахъ Венеціанскихъ, чего и не ожидалъ *Павелъ V*: сопротивление со стороны самаго духовенства было новымъ уда-

*) Левъ XI, съ 1 по 27 Апрѣля 1605 года.

***) Павелъ V, съ 16 Мая 1605 года по 28 Января 1621 года.

ромъ Папскому могуществу, и этотъ ударъ нанесенъ католиками же, не отвергавшими догматовъ Римской церкви. — „Во всѣхъ земляхъ, гдѣ господствуетъ исповѣданіе Римско-Католическое, пишутъ *Ранке*, уважають память *Сарни*, какъ побѣдоноснаго защитника догматовъ вѣры, наложившаго на духовенство тѣ узы, которыми обезпечиваются независимость и благосостояніе этихъ земель“.—Республика заключила миръ, но Иезуиты были выгнаны изъ ея владѣній.—Примѣръ Венеціи нашель послѣдователей и въ другихъ Италіянскихъ государствахъ.

По крайней мѣрѣ *Папа V* утѣшили вѣсти изъ Германіи. — Тамъ предателями реформации были Чехи (Богемцы), единоплеменники *Яна Гуся-Гусинецкаго*, и ученика его *Иеронима Прагскаго*. Австрійскій домъ, подкрѣпляемый Баварією, поддерживалъ Папу, надѣясь черезъ это утвердить свою власть въ Чехіи, и такимъ образомъ избирательное правленіе превратить въ наследственное. Чехи, узнавъ объ избраніи на Императорскій престолъ *Фердинанда II*, объявили его лишеннымъ Королевской Чешской (Богемской) короны и возложили ее на Курфюрста - Палатина *Фридриха*, защитника протестантовъ. Сраженіе при Бѣлой-Горѣ, 8 Ноября 1620 года, погубило Чехію и предало ее во власть Австрійцамъ: *Фридрихъ* бѣжалъ. Дѣло протестантовъ казалось уже совершенно проиграннымъ. *Павелъ V* торжествовалъ; упоенный восторгомъ, Римской Дворъ праздновалъ побѣду католиковъ при Бѣлой-Горѣ: одинъ ударъ кончалъ войну; страна богатая, образованная, подпора протестантовъ, дѣлалась съ этой минуты добычею католичества, фанатизма и тиранніи. — „Глубоко было паденіе Чеховъ“, пишетъ *М. М. Касторскій*, лично посѣщавшій тѣ страны. „Половину цѣлаго столѣтія продолжалось разрушеніе всѣхъ памятниковъ двухвѣковаго образованія. Сильные Чешской земли изгнаны, частію казнены; цѣна конфискованнаго имѣнія простиралась до невероятной тогда суммы 33 милліоновъ талеровъ. 30,000 семей выѣхали изъ отечества: Бранденбургъ, Саксонія, Швейцарія, Голландія, и Семиградская область наводнились цвѣтомъ дворянства, учености и искусствъ Чешскихъ. Въ 1620 году возвратилась съ торжествомъ Иезуиты, принять на себя образованіе юношества. . . Содрагаешься, читая голые разеказы лѣтописцевъ о судьбѣ памятниковъ литературы, и спрашиваешь въ недоумѣніи:

неужели родъ человѣческой можетъ иногда совершенно потерять сочувствіе къ умственному образованію? Двадцать первая регула Индекса признала всѣ книги, печатанныя въ Чехахъ съ 1414 до 1635 года, еретическими: такъ произведенія двухъ столѣтій обречены были истребленію, и приговоръ исполненъ. Всякому извѣстно (говоритъ *Каленскій*, въ 1648 году) какъ обращались съ нашими книгами: Безбожники (*zlobohi*) отобравъ книги, частію сожигали ихъ дома тайно, частію корзинами валили на рынкахъ, вывозили за городскую стѣну; инныя, по высшему приказанію, прибиты были къ висѣлицамъ и судебнымъ мѣстамъ; послѣ огораживали какое нибудь мѣсто и все сожигали; обыкновенная казнь книгамъ была — огонь. Богемія, лишенная всякой самостоятельности, предана была Римскому духовенству. Кто хочетъ знать, какое ученіе преподавалось тогда, тотъ пусть прочтаетъ *Phosphorus septicornis*, книгу писанную въ 1675 году Прагскимъ деканомъ *Пешиною*. Усилія учителей были вѣрны; соотечественники *Гуся*, съ благоговѣніемъ падали на колѣна, въ домахъ, на улицахъ, при работѣ, великіе и малые, богатые и бѣдные, при полуденномъ звукѣ колокола, напоминающемъ о молитвѣ. Во всѣхъ общественныхъ, гражданскихъ и судебныхъ дѣлахъ введенъ Нѣмецкій языкъ; Чешской запрещенъ; онъ терпимъ былъ только въ простомъ народѣ; напротивъ, все что имѣло притязаніе на отличіе, говорило по Нѣмецки. Быть Чехомъ стало стыдно.“ *)

Таковы то были слѣдствія побѣды при Бѣлой-Горѣ. Какъ же было не радоваться въ Римѣ? . . . Но радость *Папала V* была не продолжительна: посреди торжествъ, апоплексическій ударъ прекратилъ жизнь его, 28-го Января 1621 года. Черезъ одиннадцать дней, — 9-го Февраля, на Папскомъ престолѣ возсѣлъ *Григорій XV*. Его правленіе **) ознаменовалось удивительно быстрымъ развитіемъ католицизма въ Европѣ: мисіонерныя, отправленные въ разныя части свѣта, дѣйствовали очень успѣшно; Іезуиты проникли даже въ Китай, хотя и не могли тамъ удержаться надолго. Въ католическомъ мірѣ Европы

*) Взглядъ на Чешскую литературу, *М. Касторскаго*. (С. П. б. 1858) стр. 5—6; также въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (1858), въ которомъ помѣщено было сочиненіе *Т. Касторскаго*.

**) *Григорій XV*, съ 9 Февраля 1621 года по 8 Іюля 1623 года.

царствовала тишина, за которою послѣдовала страшная буря въ правленіе *Урбана*, носившаго Папскую тиару слишкомъ двадцать лѣтъ *. Война запылала въ Германіи съ новою силою. Католическое оружіе на каждомъ шагѣ пріобрѣтало новые лавры; но эти успѣхи остановлены были хитрою политикою могучаго Кардинала Франціи *Ришельё*. Захвативъ въ свои руки правленіе, оставивъ Королю только тѣнь власти, гордый Кардиналъ не хотѣлъ дѣйствовать сообразно видамъ Папы: не торжество Римскаго двора и Австрійскаго дома, защитника католичества, поставилъ себѣ главною цѣлюю геніальный правитель Франціи. — Не какъ католикъ, но какъ Французъ дѣйствовалъ *Ришельё*: Австрійскій Домъ опасенъ для Франціи; пользуясь обстоятельствами, Франція можетъ сдѣлать пріобрѣтенія въ Германіи; вотъ что поставилъ себѣ цѣлюю могущественный *Ришельё*; католикъ, онъ сносится съ врагомъ католичества, *Густавомъ Адольфомъ*, съ этимъ геніальнымъ Шведомъ, которому незадолго передъ тѣмъ *Нюжарскій* предлагалъ вѣнецъ Россіи **), и который явно старался возбуждать казаковъ противъ католической Польши, обѣщая имъ полное сохраненіе вольностей и религіи, какъ „благороднымъ рыцарямъ, храбрымъ воинамъ, обладателямъ Днѣпра и Чернаго моря, защитникамъ вѣры Греческой“ ***). Одинъ полководецъ былъ у *Фердинанда*, и того политика *Ришельё* лишила Австрійской домъ. *Густавъ Адольфъ* громитъ католиковъ; смерть его ненадолго остановила успѣхи протестантскаго оружія. — *Валленштейнъ* гибнетъ и рѣшительное окончаніе борьбы отдалается: побѣда склоняется то на ту, то на другую сторону. Впрочемъ, тридцати-лѣтняя война, не смотря на подчиненіе Богеміи Австрійскому Дому и католичеству, не доставила собственно Папскому престолу никакихъ выгодъ. Къ увеличенію горести *Урбана VIII*, внутреннія смятенія истощили казну Римской Церкви; черезъ нѣсколько времени, въ Іюль 1644 г., *Урбанъ VIII* переселился въ вѣчность. Ему наследовалъ *Иннокентій X*.

Десяти-лѣтнее правленіе *Иннокентія X* (1644—1655) ознаменовалось совершеннымъ окончаніемъ губительной войны въ

*) *Урбанъ VIII*, съ 6 Августа 1625 года по 29 Іюля 1644 года.

**) Акты, доставленные въ Археологическую Комиссію изъ Стокгольмскаго архива. Жур. Министр. Народ. Провѣщенія, 1841.

***) Исторія Малой Россіи, Д. И. Бантыша-Каменскаго, т. I, стр. 203.

западной Европѣ, возстановленіемъ внутренней тишины въ Папскихъ владѣніяхъ и началомъ спора Янсенистовъ съ Іезуитами *). Правила Іезуитскаго ордена, какъ было показано выше, подрывали всякое основаніе нравственности, общественнаго и государственнаго порядка; польза отъ распространенія ученыхъ свѣдѣній, которому они такъ содѣйствовали, была ничтожною въ сравненіи со вредомъ отъ ихъ пагубныхъ правилъ. Епископъ Корнелій Янсенъ смѣло сталъ за истину и началъ проповѣдывать ученіе совершенно противоположное: въ основаніе своему ученію онъ положилъ любовь Божію и благодать, спасающую чловѣка. Послѣдователи новаго ученія, Янсенисты, перевели Св. Писаніе и напечатали много сочиненій, въ которыхъ рѣшительно опровергли всѣ основныя догматы ученія Іезуитовъ и обнаружили ихъ коварство. Противники Янсенистовъ представили Папѣ изложеніе Янсенистскаго ученія въ пяти пунктахъ. *Иннокентій* долго не хотѣлъ мѣшаться въ это дѣло; наконецъ, послѣ многихъ просьбъ, разсмотрѣлъ эти пять пунктовъ и объявилъ, что въ нихъ заключается ученіе еретическое. Янсенисты, однако жъ, протестовали, что въ этихъ пяти пунктахъ не заключается ихъ ученіе, а въ подтвержденіе—сами обнародовали изложеніе своей системы. *Иннокентій X* въ это время скончался и на престолъ Папскій избранъ *Александръ VII*, въ правленіе котораго дочь знаменитаго защитника протестантовъ, Шведская Королева *Христина*, обратилась въ Римско-Католическое вѣроисповѣданіе, и, въ честь Папы, приняла имя *Александры* **). Когда представили *Александру VII* дѣло Янсенистовъ, онъ призналъ, что пять пунктовъ дѣйствительно содержатъ въ себѣ очеркъ ихъ ученія. Янсенисты опять протестовали противъ опредѣленія Папы: они объявили, что приговоръ *Александра VII* о томъ, будто бы въ самомъ дѣлѣ пять пунктовъ выбраны изъ книги *Янсена*, выходитъ изъ границъ Папской власти, потому что непогрѣшительность Папы не простирается на сужденія о фактахъ. Наслѣдникъ *Александра*, *Климентъ IX* ***) кончилъ этотъ споръ, признавъ, что пять пунктовъ дѣйствительно выбраны не изъ сочиненій Янсенистскихъ, хотя вполне подтвердилъ,

*) *Иннокентій X*, съ 14 Сентября 1644 года по 7 Января 1655 года.

***) *Александръ VII*, съ 7 Апрѣля 1655 года по 22 Мая 1667 года.

***) *Климентъ IX*, съ 20 Юня 1667 года по 9 Декабря 1669 года.

что они заключаютъ въ себѣ ученіе еретическое. Такимъ образомъ Папство сдѣлало еще уступку: мнѣніе непогрѣшимости Папы въ сужденіи о фактахъ—пало.

Новый ударъ Папской власти нанесла опять Франція: Людовикъ XIV началъ утверждать, что Король Французскій и духовенство Галликанской церкви не зависятъ отъ власти Папъ; что Соборъ выше Папы, и приговоръ Папъ долженъ условливаться согласіемъ Церкви; если Церковь не соглашается съ рѣшеніемъ Римскаго владыки, то онъ обязанъ отмѣнить приговоръ свой. И все это утверждалъ Государь Католическій! Преемники Климента IX-го, правившіе Римскою Церковью въ продолженіи 50-ти лѣтъ *), провели все время въ спорахъ съ могущественнымъ Королемъ Франціи; особенно Иннокентій XII поддерживалъ права свои съ большою твердостью. Климентъ XI (1700—1721) вмѣшался еще въ споръ о наследствѣ Испанскаго престола, что имѣло также невыгодныя слѣдствія для власти Папъ. Эти обстоятельства наконецъ вынудили Климента XI и его наследниковъ Иннокентія XIII (1721—1724) и Бенедикта XIV (1740—1758) дѣлать безпрерывныя уступки; послѣдній долженъ былъ рѣшительно отказаться отъ правъ на всѣ церковныя доходы въ Испаніи **). Главнѣйшая опора Папской власти, орденъ Іезуитовъ, еще оказывалъ сопротивленіе врагамъ своимъ; но быстро клонился къ паденію: ученость, въ которой прежде они не имѣли соперниковъ, начала упадать. Съ развитіемъ образованности, мнѣніе общества относительно Іезуитовъ совершенно измѣнилось; Министры-преобразователи на Пиренейскомъ полуостровѣ, во Франціи и въ Неаполѣ, угадывая общее направленіе вѣка, отвергли ученіе Іезуитовъ; даже самъ Бенедиктъ XIV обнаружилъ мнѣніе о необходимости преобразовать Іезуит-

*) Климентъ X, съ 29 Апрѣля 1670 года по 22 Іюля 1676 года; Иннокентій XI, съ 21 Сентября 1676 года по 12 Августа 1689 года; Александръ VIII, съ 6 Октября 1689 года по 1 Февраля 1691 года; Иннокентій XII, съ 12 Іюля 1691 по 27 Сентября 1700 года.

**) Въ исчисленіи Папъ жившихъ въ XVIII вѣкѣ вкралась опечатка. Вотъ какъ должно бы быть напечатано: Климентъ XI (1700—1721), Иннокентій XIII (1721—1724), Бенедиктъ XIII (1724—1730), Климентъ XII (1730—1740), Бенедиктъ XIV (1740—1758); имена преемниковъ Бенедикта XIV напечатаны правильно: Климентъ XIII, Климентъ XIV и Пій VI.

скій орденъ. *Климентъ XIII* (1758—1769) взялъ было сторону Иезуитовъ, но не могъ ничего сдѣлать въ ихъ пользу. Имъ приписали покушеніе на жизнь Короля Португальскаго и выгнали ихъ изъ Португаліи. Франція, однако жъ, вступила за нихъ передъ Португальскимъ правительствомъ. *Людвикъ XV* предложилъ Иезуитскому Генералу *Риччи* назначить Викарія во Францію, требуя только нѣкоторыхъ измѣненій въ Уставѣ ордена. Римъ не имѣлъ въ это время хитраго политика. *Климентъ XIII* и *Риччи* не согласились ни на какія уступки. *Sint ut sunt, aut non sint*, „такъ какъ есть, или никакъ“, говорилъ недалековидный, хотя и рѣшительный, Генералъ Иезуитскаго ордена. Слѣдствіемъ того было изгнаніе Иезуитовъ изъ Франціи, Испаніи, Неаполя и Пармы. Наконецъ, Посланники дворовъ Парижскаго, Мадридскаго и Неаполитанскаго явились къ Папѣ и потребовали уничтоженія ордена. *Климентъ XIII* назначилъ день для совѣщанія о такомъ важномъ вопросѣ, и наканунѣ этого дня — скончался, 2 Февраля 1769 года. По смерти его, избранъ Папою Кардиналъ *Ганганелли*, подъ именемъ *Климента XIV* (1769—1774). Новый Первосвященникъ видѣлъ невозможность противиться духу времени, и наконецъ рѣшился уничтожить орденъ Иезуитовъ. Такимъ образомъ согласіе Папы уничтожило твердѣйшую опору Папскаго престола: булла *Климента XIV* (1773) положила конецъ существованію знаменитаго учрежденія *Лойолы*.

Власть Рима пала. Смѣлый преобразователь, Императоръ *Иосифъ II*, рѣшился воспользоваться обстоятельствами и выгодами своего положенія, какъ Государя Католическаго. Уничтоживъ 1500 монастырей, онъ запретилъ посылать деньги въ Римъ, объявивъ себя главнымъ администраторомъ свѣтскихъ дѣлъ Церкви. Видя рѣшительныя мѣры *Иосифа II*, новый Папа *Пій VI* вынужденъ былъ предпринять путешествіе въ Вѣну (1782) и согласился уступить Императору право назначать Италіянскихъ Епископовъ. Когда запылала Французская революція, *Пій VI* приступилъ къ союзу противъ республики, которая лишила его Авиньона и Венеца во Франціи. Успѣхи Перваго Консула, *Бонапарте*, заставили *Пія VI* склониться (въ Февралѣ 1797 года) на миръ въ Толентино: Авиньонъ и Венець уступлены Фран-

ции; Болонья, Феррара и Романія — Цизальпинской республикѣ. Въ Февралѣ слѣдующаго года, Французская Директорія объявила уничтоженными и послѣдніе остатки церковнаго государства: Римъ превращенъ въ республику; *Пій VI* низложенъ съ Папскаго престола (15 Февраля 1798) и отвезенъ плѣнникомъ въ Валансъ, гдѣ и скончался 29 Августа 1799 года.

Между тѣмъ въ Италіи явился непобѣдимый *Суворовъ*. Торжество союзниковъ содѣйствовало возстановленію церковной власти. Въ Мартѣ 1800 года, въ Венеціи избранъ Папою Кардиналъ *Кіаролонти*, подъ именемъ *Пія VII*. Возвратившись въ Римъ, благоразумною умиротворенностію *Пія VII* надѣялся сохранить мирныя отношенія къ Французской республикѣ и согласился на примиреніе съ Галликапскою Церковью. Этотъ конкордатъ 15 Юля 1801 года совершенно уничтожилъ власть Папы въ предѣлахъ Франціи. Отъ него потребовали того же и для Цизальпинской республики. Желая все еще сохранить дружескія отношенія къ правителю республики *Бонапарте*, *Пій VII* въ концѣ 1804 года помазалъ его на царство, подъ именемъ *Наполеона*, и тѣмъ призналъ и утвердилъ въ Императорскомъ достоинствѣ. Новый Императоръ потребовалъ наконецъ, чтобы Римскій Первосвященникъ заперъ свои гавани для Британскихъ кораблей и прервалъ всѣ сношенія съ Англією и Россією; въ противномъ случаѣ, когда Папа вздумалъ бы отдѣлять свои виды отъ видовъ Франціи, то долженъ отказаться отъ своихъ владѣній, потому что они подарены Папскому престолу *Карломъ Великимъ*, поселителемъ Франціи. *Пій VII* отказался исполнить волю Французскаго Императора, и Французское войско овладѣло Римомъ (1808); Папа насильно увезенъ во Францію. Тамъ онъ жилъ въ Фонтенебло, получая отъ *Наполеона* пенсіонъ. Между тѣмъ декретъ *Наполеона* обнародовалъ присоединеніе церковнаго государства къ областямъ Франціи. Власть Папы вся перешла къ *Наполеону*. Несчастнѣйшій Первосвященникъ и въ плѣну сопротивлялся, долго и упорно, намѣреніямъ притѣснителя; наконецъ согласился, и конкордатомъ 25 Февраля 1815 года объявилъ, что остается во Франціи. Такимъ образомъ отважный полководецъ-геній совершилъ то, о чемъ и подумать не смѣли Государяи западной Европы. Паденіе власти *Наполеона* возста-

новило церковную область. Въ 1814 году *Пий VII* возвратился въ свое Государство, обнародовалъ новое законоположеніе, возобновилъ многіе монастыри и возстановилъ Іезуитскій орденъ для воспитанія юношества, инквизицію и другіе духовные ордена, которые вновь быстро распространились по Италіи.

Такими-то чудными, поразительными событіями ознаменовалась исторія Папъ въ продолженіи трехъ послѣднихъ столѣтій. *Г. Ранке*, котораго сочиненіе подало намъ поводъ къ этому обзрѣнію Исторіи новѣйшаго Рима, исключительно занимается исторіею Папъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ; впрочемъ, желая представить по возможности полную картину развитія Папской власти въ новѣйшія времена, онъ слегка очертилъ и событія въ XVIII вѣкѣ. Вообще, его сочиненіе есть полное и превосходное изображеніе духовнаго Рима. Какъ историкъ, онъ искусно умѣлъ представить личный характеръ каждаго Первосвященника и отбѣить каждую эпоху настоящими ея красками; при такомъ обширномъ содержаніи, онъ присоединилъ къ тому все, что только могло пояснить предметъ. Финансовая система Римскаго двора доселѣ не обращала на себя вниманія историковъ; въ исторіи *Г. Ранке* въ первый разъ находимъ любопытныя подробности, не собранныя еще ни однимъ историкомъ, и прорывающія новѣй, яркій свѣтъ на событія того времени. И въ самомъ дѣлѣ, что жъ такое Исторія безъ этого плодотворнаго сочетанія фактовъ и воззрѣній, статистики и драмы, подробностей и обобщеній?

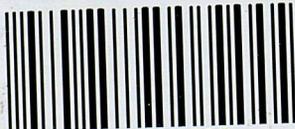
Долго Римъ расточалъ добровольныя приношенія католическаго христіанства; наконецъ лишился этого неисчерпаемаго источника богатствъ, которыя сыпались на него со всѣхъ концовъ западной Европы. Тогда собственное владѣніе Папъ, — всегдашній неизсякаемый источникъ споровъ, притязаній, вѣчная цѣль завистливой Итальянской политики, — Романья, сдѣлалась для нихъ важнымъ источникомъ силы и независимости. Границы Римскихъ владѣній установились, и не дозволяли болѣе Папству бороться для увеличенія владѣній своихъ; принужденное почерпать все способы изъ самаго себя, оно удвоило свои усилія, — и эти усилія принесли плодъ. Совершилось то, что всегда является, когда воля бываетъ исполнена добра и энергій: благосостояніе, избытокъ, — дотолѣ неизвѣстныя обитателямъ Романья, — увеличили ея

народонаселеніе, оплодотворили ся пшчву, удивили Венеціанскихъ Посланиковъ и заставили ихъ завидовать этой житницѣ Папскихъ владѣній, этому руднику богатствъ Римскаго двора. Хлѣбъ Романи скоро сталъ необходимъ для продовольствія Неаполя и Франціи. Старинныя муниципальныя преймущества вновь получили прежнюю силу, города, сами избравшіе себѣ правителей, начали высылать въ море собственные корабли. Между владѣтелями и поселянами установилось нѣкотораго рода патріархальное братство, которое ни сколько не унижало нишихъ и потому не поселяло въ нихъ ненависти противу высшихъ сословій. Но главною причиною благоденствія Романи было освобожденіе отъ налоговъ. Другія владѣнія въ Италиі изнемогали подъ гнетомъ огромныхъ налоговъ. Между тѣмъ, пользуясь значительнымъ доходомъ отъ прямыхъ и не прямыхъ приношеній католической Европы, Ватиканъ не требовалъ податей ни съ поселянъ въ своихъ владѣніяхъ, ни съ гражданъ въ столичномъ городѣ. Расточительность *Льва X*, принудила *Адріана Утрехтскаго* наложить на жилье каждаго гражданина подать, впрочемъ весьма умѣренную. Скоро отъ нужды родилась финансовая система, послужившая образцомъ для всей остальной Европы. Ватиканъ сдѣлался колыбелью всѣхъ нашихъ финансовыхъ теорій, займовъ и отверженныхъ долговъ.

Однимъ изъ главныхъ источниковъ обогащенія Папской казны была продажа должностей. Этимъ скрытымъ займомъ государство обязывалось ежегодно возвращать, подъ видомъ жалованья, только взятое—уже массою при назначеніи въ должность. Такъ велось издавна; всегда, конечно, ко вреду общества, особенно при расточительности Папъ, которые часто уповребляли во зло это опасное для народа средство увеличенія доходовъ казны. Въ 1471 году считалось 650 продажныхъ должностей; они давали доходу 100,000 Римскихъ скуди. Нотаріусы, Прокураторы, Секретари, помощники ихъ, и множество другихъ чиновъ, безпрестанно умножаясь, значительно увеличивали цѣнность буллъ и Папскихъ грамотъ. *Сикстъ IV* образовалъ цѣлыя коллегіи, въ которыхъ должности продавались по 200 скуди. *Александръ VI* для письма Папскихъ грамотъ опредѣлилъ 80 человекъ, изъ которыхъ каждый за назначеніе въ должность пла-

тилъ 750 скуди. Юлій II присоединилъ къ архиву 100 Секретарей, платившихъ такую же сумму; установилъ еще нѣсколько другихъ должностей, и обезпечилъ ихъ жалованье таможняи и главною казною. Цвѣтущее состояніе земледѣлія внушило мысль основать еще одну коллегію, состоящую изъ 141 предѣдателя рынка. Левъ X истребилъ доходы трехъ Папъ, сокровища, накупленныя Юліемъ II, собственные доходы и собранныя его преемникомъ; еще неосторожнѣе было установленіе 1,200 новыхъ должностей. Левъ X распорядился такъ, что самое назначеніе Кардиналовъ всегда что нибудь приносило ему дохода. Въ его время считалось 2,150 публичныхъ продажныхъ должностей; ежегодная плата, доходившая до 520 скуди, тяжкимъ бременемъ лежала на правительствѣ. Климентъ VIII, находясь въ чрезвычайно тѣсныхъ обстоятельствахъ, первый вздумалъ *отвердить долъ*, т. е., сдѣлать его постояннымъ, выдавая по 10 процентовъ. Владѣльцы государственныхъ векселей составляли особенную коллегію. Примѣръ *Адріана* нашелъ послѣдователей въ преемникахъ его власти. — Мало по малу бѣднѣли источники, наполненные набожностію католиковъ; золотой вѣкъ Романьи приходилъ къ концу. Надобно было продолжать начатую борьбу съ протестантствомъ, поддерживать католичество, въ тѣхъ владѣтеляхъ, которыхъ рвеніе начинало уже простывать, и которые, не отрекаясь отъ Папы, предпочитали держать въ собственныхъ сундукахъ деньги своихъ подданныхъ, нежели отсылать ихъ въ Римъ. — Тяжкіе налоги отяготили Романью; скоро она лишилась и послѣднихъ остатковъ благосостоянія и независимости. Затруднительныя обстоятельства поставили Римскій дворъ въ необходимость содержать полицію, многочисленную и дѣятельную. Сверхъ того, надобно было еще давать пособіе католикамъ, выгнаннымъ изъ протестантскихъ владѣній. Государство Римскихъ Первосвященниковъ начало постепенно низпадать до того состоянія, въ какомъ находится оно въ наше время: цвѣтущія поля обратились въ пустыни; климатъ нѣкогда благоорастворенный, измѣнился, и на землѣ, прежде столь плодородной, а теперь дурно воздѣланной, почти безплодной, живутъ, или точнѣе — прозябаютъ бѣдные, несчастные потомки воинственныхъ сыновъ древняго Рима.

Н. Савельевъ.

2007081599